

АБДУРРАХМАНЪ ХАНЪ АФГАНСКІЙ *).

Въ половинѣ прошлаго года, на далекомъ юго-востокѣ, почти по сосѣдству съ нашими окраинами въ Средней Азіи, произошло чрезвычайно важное для насъ историческое событіе. Абдуррахманъ-ханъ, бывшій нашъ гость въ Туркестанскомъ краѣ, занялъ принадлежащій ему по праву, видный, но сильно разшатанный ханскій престолъ въ Афганистанѣ. Хотя Афганистанъ еще не сосѣдь намъ, но уже близокъ къ этому: его раздѣляютъ отъ насъ въ центрѣ Бухара, справа туркменскія степи, а слѣва—высокіе Памиры и мелкія ничтожныя ханства верховьевъ Аму-дарьи. Еще недавно **) мы не имѣли никакого соотношенія къ нему и совершенно не были заинтересованы въ его судьбахъ. Но, по мѣрѣ поступленія нашего въ глубь среднеазиатской пустыни, по мѣрѣ движенія нашего далѣе и далѣе на юго-востокъ, на политическомъ небосклонѣ сталъ болѣе и болѣе выдвигаться изъ-за дикихъ и мертвыхъ пустынь высокій Гиндукушъ, окоймляющій съ юго-востока низменные равнины Средней Азіи,—показался и вошелъ въ районъ нашихъ интересовъ и уже завязался было у насъ съ нимъ сосѣдскій раз-

*) Составлено по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Бухары или, такъ называемымъ, распроснымъ свѣдѣніямъ, и заимствованнымъ изъ нѣкоторыхъ авторитетныхъ источниковъ, какъ „Кабулистанъ и Кафиристанъ“ В. В. Григорьева.

**) Посольству Виткевича, въ 1837 году, нельзя придавать серьезнаго историческаго значенія: оно не связало обоюдныхъ интересовъ и не завязало тогда никакихъ отношеній.

говоръ. Еще недавно въ этой странѣ вѣчныхъ и постоянныхъ кровавыхъ раздоровъ, смуть и переворотовъ, царствовала ѣ-которое время довольно твердая власть, но ожесточенная борьба съ англичанами снова расшатала тамъ порядокъ и, со смертію Ширъ-али-хана, кровавые раздоры, хищничество и анархія снова охватили и взволновали эту нагорную страну. Эти раздоры, хищничество и анархія, съ искони вѣковъ, царствовали во всей среднеазіатской пустынной равнинѣ, отчасти мѣстами господствуютъ и теперь. Они-то и вызвали насъ изъ-за Урала и лѣсовъ Сибири, и затанули далеко на югъ чрезъ всю необъятную пустынную степь, почти до скалъ самого Гиндукуша. Остановились мы на берегахъ Аму-дарьи, но за рѣкой и теперь все та же анархія, все тѣ же хищничества и раздоры; поднялись мы на крышу міра, на высоты великихъ Памировъ, но и тамъ нѣтъ порядка и власти и тамъ царятъ полный и дикій произволъ. Если же Бухара и пользуется относительнымъ спокойствіемъ и нѣкоторымъ порядкомъ, то она обязана этимъ не своимъ законамъ и властямъ, а исключительно намъ, или, вѣрнѣе, чувству страха, что мы не потерпимъ ея безпорядковъ и смуть и въ случаѣ надобности сами установимъ у нея свой порядокъ. А за нею, за Бухарою, на высотахъ и склонахъ Гиндукуша кровавая драма и анархія — и изъ щелей Гиндукуша уже началъ было дуть на среднеазіатскую равнину духъ крамолы, смуть и подстрекательствъ. Западные наши друзья, побуждаемые завистью, боязнію, злобою, уже повели было изъ-за Гиндукуша темные подпольные ходы противъ насъ, уже появились ихъ секретные агенты на берегахъ Аму-дарьи и въ Бухарѣ и даже завязались было сношенія съ коканцами, приверженцами стараго ханскаго времени. Но судьба сжалилась надъ многострадальными народами средней Азіи; обстоятельства измѣнились и выдвинули законнаго, опытнаго и умнаго вождя афганцамъ. Не можемъ мы не радоваться за афганскій народъ и не привѣтствовать воцаренія Абдуррахманъ-хана. Богато одаренный природнымъ умомъ, тактомъ, сдержаннымъ характеромъ, много извѣдавшій, много испытавшій въ своей

тревожной боевой и разнообразной жизни, Абдуррахманъ-ханъ, будетъ, конечно, мудрымъ и опытнымъ правителемъ и установитъ прочный порядокъ и твердую власть въ земляхъ Афганистана. Судьба навязала намъ великую, но чрезвычайно трудную задачу, умиротворить и успокоить громадную равнину средней Азии, и водворить въ ней свободу, порядокъ и спокойствіе мирнаго очага. Твердая власть и прочный порядокъ въ Афганистанѣ много помогутъ и облегчатъ намъ нашу роковую историческую задачу. Установивъ у себя порядокъ и спокойствіе, Афганистанъ будетъ ограждать себя отъ безпорядковъ и анархіи своихъ сѣверныхъ степныхъ сосѣдей и уже не окажетъ имъ поддержки и поощренія.

Афганистанъ важенъ для насъ и не потому только, что онъ болѣе или менѣе близкій нашъ сосѣдъ, но и по своему географическому положенію между Индіей, Персіей и великой низменной равниной, надъ которой уже летаетъ двухглавый орелъ. Недавнее прошлое и даже настоящее время убѣдительно говорятъ намъ, какой сѣрьезный и глубокий интересъ представляютъ для насъ эти страны.

Въ силу соображеній, вызываемыхъ географическимъ положеніемъ и близкимъ сосѣдствомъ этой страны, мы желаемъ Афганистана независимаго, могущественнаго и богатаго; мы заинтересованы видѣть въ афганцахъ дружественный намъ народъ, а на кабульскомъ престолѣ расположеннаго къ намъ государя. Въ этомъ смыслѣ и съ этими пожеланіями мы привѣтствуемъ воцареніе Абдуррахманъ-хана, въ Афганистанѣ. Онъ отлично понимаетъ, что мы, въ своихъ собственныхъ интересахъ, не можемъ относиться къ Афганистану недоброжелательно, что намъ не нужно покорять или подчинять его себѣ, что напротивъ въ нашихъ интересахъ желать единого и сильнаго Афганистана, который станетъ оплотомъ мира и спокойствія на югѣ средне-азиатской равнины. Наконецъ, онъ также хорошо понимаетъ, что чѣмъ мы будемъ сильнѣе и могущественнѣе и при этомъ самостоятельнѣе и тверже въ своей національной политикѣ, тѣмъ спокойнѣе будетъ Средняя Азія и тѣмъ

болѣе Афганистанъ можетъ разсчитывать на нашу поддержку и на защиту своей независимости. Такимъ образомъ наши интересы въ средней Азіи такъ тѣсно сближаются съ афганскими и взаимно переплетаются между собою, что мы не можемъ не сочувствовать единому, сильному и независимому Афганистану и воцаренію въ немъ Абдуррахманъ-хана.

Афганистанъ вполнѣ горная страна, онъ расположенъ на высокихъ долинахъ и равнинахъ, между высочайшими горами. Онъ занимаетъ обширное пространство между Индомъ, Амударьей, степями вольныхъ туркменъ, Персіею и Белуджистаномъ и вмѣщаетъ въ себѣ около 4.000.000 афганскаго народа, до 600.000 таджиковъ и галча, до 200.000 туркменъ, до 300.000 узбековъ и, наконецъ, незначительное число арабовъ, евреевъ, цыганъ, индусовъ и армянъ. Исторія его смутная и кровавая.

До половины XVIII вѣка, онъ находился долгое время подъ владычествомъ Персіи съ нѣкоторыми перерывами, когда онъ, пользуясь слабостію правителей персидскихъ, освобождался отъ ихъ зависимости; но, находясь въ вѣчной международной враждѣ своихъ главныхъ родовъ, разрозненный на нѣсколько враждебныхъ другъ другу группъ, какъ у насъ въ удѣльный періодъ, онъ снова и легко подпадалъ подъ власть чужеземцевъ, пока пераспалась громадная имперія шаха Надира персидскаго, со смертію котораго кончилось здѣсь могущество персовъ. Въ то время, когда послѣ шаха Надира, Персія на западѣ и сѣверѣ теряла одну за другой свои области и свое господствующее тамъ положеніе—на восточныхъ ея развалинахъ образовалось могущественное афганское ханство. Одинъ изъ военно-начальниковъ шаха Надира, афганецъ А х м е т ь - х а н ь, воспользовавшись смертію этого великаго полководца, убитаго въ 1747 г. въ Мешхедѣ. Командуя афганскими войсками въ его громадной арміи, онъ отдѣлился отъ нея на возвратномъ пути изъ Индіи, овладѣлъ добычей, взятой тамъ шахомъ Надиромъ (въ томъ числѣ захватилъ будто бы до 5.000 женщинъ), и провозгласилъ себя ханомъ. Послѣ него ханствовалъ его сынъ Ти-

муръ-ханъ; за нимъ Земанъ-ханъ и Махмудъ-ханъ, сыновья Тимура, а затѣмъ, послѣ продолжительной кровавой междуусобицы и смутъ, ханская власть перешла, въ 1823 г., къ ловкому, коварному, но умному Достъ-Мохамедъ-хану, сыну знаменитаго старшины барекзайскаго рода, Серафразъ-хана, по прозванію Пайенде-хана, управлявшаго ханствомъ во время царствованія Земанъ-хана. Такимъ образомъ, ханская власть перешла изъ рода саддозайцевъ въ родъ баеркзайцевъ, изъ дома знаменитаго Ахметъ-хана въ домъ Пайенде-хана, — и съ Достъ-махаметъ-хана началась барекзайская династія.

Пайенде-ханъ, отъ нѣсколькихъ женъ и наложницъ рабынь, имѣлъ 21 сына и нѣсколько дочерей. Достъ-махаметъ-ханъ родился отъ наложницы персіянки. У Достъ-махамета было 6 женъ, *) и нѣсколько наложницъ: отъ нихъ онъ имѣлъ 13 сыновей и дочь Патьшу. Въ числѣ сыновей извѣстны по своей дѣятельности Ширъ-али, отецъ Якубъ-хана и Абдулладжана, Миръ-авзаль, отецъ Абдуррахмана, Миръ-агзамъ, отецъ Исхакъ-хана, Вали-махаметъ и Гулямъ-гайдаръ. Достъ-Мохамедъ ханствовалъ среди постоянныхъ смутъ и междуусобій съ братьями и даже съ сыномъ и пасынкомъ; два раза былъ изгоняемъ изъ отечества, былъ въ плѣну у англичанъ, но подъ конецъ подчинилъ весь Афганистанъ, даже Герать, своей власти, хотя и потерялъ Пенджабъ, которымъ завладѣлъ сначала знаменитый Реджитъ-сингъ, а потомъ англичане. Онъ ханствовалъ 40 лѣтъ и умеръ 73 лѣтъ, въ 1863 году; вторую половину своего царствованія онъ вполнѣ подчинился вліянію англичанъ.

Умирая, Достъ-махаметъ-ханъ назначилъ себѣ преемникомъ своего любимца Ширъ-Али-хана, одного изъ своихъ младшихъ сыновей. Тотчасъ послѣ смерти отца, Ширъ-али хитростію заманилъ къ себѣ своихъ братьевъ, управлявшихъ на правахъ

*) Въ числѣ женъ была вдова прежняго хана Азимъ-хана, имѣвшая отъ перваго мужа сына Султанъ-ахмета, (онъ же Султанъ-Джанъ), за котораго въ послѣдствіи Достъ-махаметъ выдалъ свою дочь Патьшу — отъ которыхъ родился Искандеръ-ханъ, бывшій нашъ гость и подполковникъ русской службы.

вассальныхъ разными провинціями Афганистана и, задержавъ ихъ при себѣ, объявилъ себя ханомъ. Но старшій сынъ Достъ-махамета, слѣдовательно и наслѣдникъ его, Миръ-авзаль, управлявшій тогда Балхомъ, *) не хотѣлъ уступить Ширъ-Али свое право и началась снова кровавая междуусобная война, въ которой 22-хъ лѣтній Абдуррахманъ, сынъ Миръ-авзалья, проявилъ блестящія военныя способности, смѣлость, сообразительность и храбрость. Ширъ-али, послѣ нерѣшительной битвы у Ташкургана, обманомъ заманилъ къ себѣ довѣрчиваго Миръ-авзалья и заарестовалъ его; тогда Абдуррахманъ бѣжалъ въ Бухару. Но чрезъ нѣкоторое время, пользуясь отсутствіемъ Ширъ-али, отправившагося въ походъ противъ Кандагара, онъ возвратился въ Балхъ, занялъ его и, собравъ довольно значительный отрядъ, отправился къ Кабулу. Овладевъ столицею до возвращенія Ширъ-али изъ подъ Кандагара, онъ тотчасъ же выступилъ ему на встрѣчу и въ селеніи Сендъ-абадѣ, не далеко отъ Кабула, разбилъ его на голову. Освободившись отъ плѣна, вслѣдствіе этой побѣды Абдуррахмана, Миръ-авзаль, его отецъ, вступилъ на ханство и правилъ имъ до 1867 года. Ширъ-али, управляя Гератомъ, однакожъ не унимался и два раза пытался овладѣть ханствомъ, но оба раза Абдуррахманъ разбивалъ его на голову и даже отнялъ отъ него Кандагаръ. Отбросивъ Ширъ-али къ Герату, Абдуррахманъ отправился въ Балхъ управлять Чаръ-вилайетомъ. Послѣ смерти своего отца, Абдуррахманъ уступилъ добровольно свое право дядѣ Миръ-агзаму, который правилъ ханствомъ всего одинъ годъ. Пользуясь отсутствіемъ Абдуррахмана, Ширъ-али быстро наступилъ на Кабулъ и занялъ его безъ затрудненія отъ несмѣлаго и нерѣшительнаго Миръ-агзама и тотчасъ же обратился за помощію къ англичанамъ, которые еще ранѣе забѣгали къ нему съ предложеніями своихъ услугъ. Обрадовавшись обра-

*) Распросныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ расходятся: одни говорятъ, что Ширъ-Али, какъ узурпаторъ, захватилъ ханскій престолъ; другіе говорятъ, что Достъ-Мохамедъ самъ назначилъ его своимъ наслѣдникомъ.

щенію къ нимъ Ширъ-али, они немедленно прислали ему огромную субсидію въ нѣсколько сотъ тысячъ рѣблей, которые Ширъ-али и роздалъ своимъ войскамъ, чѣмъ и привлекъ къ себѣ новыхъ приверженцевъ. Тогда Абдуррахманъ-ханъ сталъ собирать отрядъ, а между тѣмъ обратился за помощію къ намъ, въ Ташкентъ, чтобы парализовать значеніе и силу англійской помощи Ширъ-али. Но генералъ фонъ-Кауфманъ тогда отстранилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла Афганистана, даже не далъ посланному никакого письменнаго отвѣта. Вслѣдствіе этого, посланецъ умолялъ дать ему какой-нибудь знакъ въ доказательство, что письмо Абдуррахмана имъ доставлено— и получилъ рублевую ассигнацію и двугривенный... Между тѣмъ Абдуррахманъ, осенью 1868 года, не дождавшись отвѣта, двинулся на Кабулъ. Узнавъ объ этомъ, Ширъ-али выслалъ противъ него одинъ за другимъ два отряда. Разбивъ эти отряды, Абдуррахманъ, увлеченный легкостію этихъ побѣдъ, раздѣлилъ свои безъ того незначительныя силы на двѣ части: одною половиною онъ осадилъ стоявшую на дорогѣ крѣпость, а съ другой двинулся самъ къ Кабулу. Но Ширъ-али выступилъ къ нему на встрѣчу со всѣми своими силами и разбилъ его на голову. Потерявъ всѣ свои силы, Абдуррахманъ скитался нѣкоторое время въ горахъ, затѣмъ отправился въ Мешхедъ, и оттуда обратился въ Ташкентъ съ просьбою объ оказаніи ему содѣйствія къ занятію законно ему принадлежащаго ханскаго престола въ Кабулѣ. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, онъ перешелъ въ Гиссаръ, откуда обратился уже подъ покровительство русскаго правительства, справедливо опасаясь вѣроломства Бухары, и 13-го февраля 1870 года прибылъ въ Самаркандъ со свитой въ 221 человекъ. При свиданіи съ генералъ-губернаторомъ, Абдуррахманъ-ханъ снова пытался было склонить генерала фонъ-Кауфмана оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ за кабульскій престолъ, для чего просилъ только дать ему 3.000 ружей, нѣсколько пушекъ, хотя бы изъ числа отобранныхъ отъ Бухары, и разрѣшить ему помѣститься въ бухарскихъ крѣпостяхъ, Ширъ-абадѣ или Керки. Но попытки

его и на этотъ разъ были безуспѣшны—и онъ поселился въ Самаркандѣ, отложивъ до благопріятнаго времени исполненіе своего завѣтнаго желанія. Ему разрѣшено было, однако, не распускать своей свиты, на содержаніе которой и выдавалось ему сначала по 18.000, потомъ по 25.260 р. въ годъ и затѣмъ по 24.700 р. (менѣе вслѣдствіе незначительной убыли въ его свитѣ).

Абдуррахману теперь не болѣе 40 лѣтъ. Это весьма красивой и внушительной наружности человѣкъ; умное и спокойное лицо сразу внушаетъ къ нему довѣріе. Онъ сравнительно съ образовательнымъ уровнемъ своего народа очень развитый и образованный человѣкъ; знакомъ, между прочимъ, съ исторіей и географіей и любитъ по картамъ изучать топографію интересующихъ его государствъ и особенно сопредѣльныхъ Афганистану странъ.

Тихо и спокойно жилъ онъ среди насъ около 9-ти лѣтъ, сначала въ Санмаркандѣ, а потомъ въ Ташкентѣ, пока кровавыя событія въ Афганистанѣ, смуты и анархія тамъ послѣ смерти Ширъ-али-хана, не вызвали его снова на арену исторической дѣятельности. Смерть Ширъ-али-хана, а затѣмъ безтактный арестъ Якубъ-хана англичанами, открыли ему путь къ ханскому престолу въ Афганистанѣ.

Въ январѣ прошлаго 1880 года мы видимъ его уже рѣшительно идущимъ къ своей цѣли. Чтобы дойти до Кабула, ему необходимо было овладѣть прежде Чаръ-вилайетомъ или Афганскимъ Туркестаномъ, которымъ, 10 лѣтъ тому назадъ, онъ самъ управлялъ въ качествѣ наиба, намѣстника. Съ этого онъ и началъ. Но чтобы говорить о дѣятельности Абдуррахмана въ Афганскомъ Туркестанѣ слѣдуетъ предвари-тельно сказать нѣсколько словъ объ его географіи и исторіи.

Афганскимъ Туркестаномъ собственно называется Чаръ-вилайетъ *), но къ нему относятся также и недавно бывшія

*) Чаръ-вилайетъ составляютъ четыре, прежде, еще при бухарскомъ владычествѣ, бывшіе административные округа или бекства: Андхой, Шимурханъ, Ахча и Сарыпуль.

независимыми ханства или бекства, Бадахшанское Кундузское: они также вошли въ районъ ыфйствій Абдуррахмана.

Бадахшанъ, вполнѣ горная страна, находится въ верховьяхъ Аму-дарьи: она занимаетъ среднее теченіе рѣкъ: Панджабая, Шагъ-дарьи и Кукчи и граничитъ съ востока съ горными странами или вѣрнѣе назвать ихъ горными гнѣздилищами: Роганомъ и Шугнаномъ, гдѣ подъ линіей вѣчныхъ снѣговъ, на скалахъ, надъ пропастями рѣчныхъ щелей, на горныхъ высяхъ, гнѣздятся галча и таджики, иранскаго племени, и аборигены края, считающіе себя потомками воиновъ Александра Македонскаго. Съ сѣвера Бадахшанъ граничитъ тоже горными гнѣздилищами по правую сторону Аму-Дарьи, Дарвазомъ и Кулябомъ, на западъ Кундюзомъ, а на югъ Бадахшанъ упирается, или вѣрнѣе склоняется подъ крутыя скалы величественнаго Гиндукуша. Бадахшанъ еще никѣмъ не изслѣдованъ и мало извѣстенъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, а потому о населенности его еще не имѣется точныхъ свѣдѣній: по распроснымъ свѣдѣніямъ столица его, Файзабадъ, имѣетъ до 5.000 дворовъ. Также и прошлое Бадахшана пока подернуто густою пеленой неизвѣстности. Можно, однако, сказать, что жизнь и судьба его были одинаковы съ жизнью и судьбою другихъ горныхъ народовъ высокаго центра Азіи. Трудно доступные для завоеваній, мало привлекательные суровою бѣдностію природы, они сохранили свою независимость и свою политическую свободу подъ управленіемъ своихъ наслѣдственныхъ правителей до послѣднихъ временъ. Великія историческія событія долинъ, войны, кровавыя распри народовъ, смуты, перевороты и великія движенія средне-азіатскихъ полчищъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и обратно, проходятъ мимо этихъ горныхъ жителей, почти не касаясь и не задѣвая ихъ самобытности. Страны эти служили лишь убѣжищемъ недовольнымъ, угнетеннымъ, обиженнымъ сынамъ долинъ и степей великой равнины. Такъ держались, почти въ виду сильныхъ ханствъ, коканскаго и бухарскаго и сохранили свою независимость и

самобытность горныя поднебесныя гнѣздилища верховьевъ Заравшана и Аму-дарьи. Хотя Бадахшанъ не разъ подвергался посягательству на его независимость отъ своихъ сильныхъ сосѣдей афганцевъ, но до 1869 г. сохранилъ свою полную самобытность, управляясь изъ Файзабада, своей столицы, своими наслѣдственными правителями. Не за долго до этого времени, въ управленіе Бадахшаномъ, вступилъ Миръ-джагандаръ — жестокій и алчный правитель. Онъ поборами и притѣсненіями довелъ до того бадахшанцевъ, что они стали думать объ освобожденіи отъ его власти. Этимъ воспользовался Ширъ-али-ханъ и явился со своими палтанами (батальонами) въ предѣлахъ Бадахшана. Онъ занялъ его безъ особыхъ усилій и жертвъ. Бадахшанцы почти не сопротивлялись и, можно сказать, добровольно поступились своею независимостью. Такимъ образомъ, независимый Бадахшанъ, со своими богатѣйшими ланисъ-лазуревыми копиями, сталъ провинціей Афганистана. Но и управленіе афганцевъ не отличалось мягкостію и справедливостію: они нисколько не уступали алчности и жестокости Миръ-джагандара и даже умудрились изобрѣсти новый и весьма странный налогъ, курпеджума, доказывающій не столько изобрѣтательность ихъ, сколько нецеремонность и грубость обхожденія съ покоренными народами. Курпе—постель, джума—пятница и соотвѣтствуетъ въ религіозномъ отношеніи нашему воскресенью; налогъ этотъ обязывалъ бадахшанцевъ вносить въ казну по 40 к. съ каждаго супружескаго ложа, занятаго супругами вмѣстѣ въ ночи съ четверга на пятницу.

Поборы, притѣсненія и жестокости афганцевъ вызвали сильную противъ нихъ реакцію цѣ бадахшанцахъ. Они опять стали думать вакъ бы имъ избавиться отъ своихъ инородкыхъ и чужеземныхъ притѣснителей и на этотъ разъ глаза ихъ направились къ родственной имъ Бухарѣ. Бухара еще недавно подчинила себѣ горныя страны Каратигень и Дарвазъ и, конечно, охотно приблизилась бы чрезъ Бадахшанъ къ величественному Гиндукушу и вольнымъ высочайшимъ плоско-

горьямъ Памировъ. Обстоятельства вполне благопріятствовали такимъ сладкимъ надеждамъ Бухары: англичане раздирали Афганистанъ, такъ что афганцамъ было уже не до Бадахшана; наконецъ, смерть Ширъ-али совершенно открывала ей широкую и свободную дорогу не только въ эту страну, а и вообще во владѣнія Афганистана по сѣверному склону Гиндукуша; но въ это время появились въ Бадахшанѣ наслѣдники прежняго, хотя и жестокаго, но законнаго ихъ правителя Мир-джагандара; а вслѣдъ за ними явился Абдуррахманъ, который, овладѣвъ этой страной, снова присоединилъ ее къ Афганистану.

Говоря о Бадахшанѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о сосѣднемъ ему, но совершенно недоступномъ, Кяфиристанѣ, расположенномъ на южномъ склонѣ Гиндукуша, въ верховьяхъ рѣки Камы, или Кунара, и по ея притокамъ, въ высокихъ плоскогорьяхъ и горныхъ рѣчныхъ долинахъ. Кяфиристанъ никогда и никѣмъ не былъ завоеванъ. Великія и кровавыя событія древнихъ и среднихъ вѣковъ не коснулись этихъ дикихъ горныхъ высотъ. Онъ населенъ сіягпушами — язычниками, которыхъ поэтому сосѣдніе мусульмане, какъ невѣрныхъ, называютъ кяфирами, почему и уголокъ этотъ называется Кяфиристанъ. Сіягпуши ненавидятъ мусульманъ и потому не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній и къ себѣ мусульманъ не допускаютъ. Если пожалуетъ къ нимъ въ ихъ орлиныя гнѣзда какой-нибудь чужеземецъ, то они прежде подвергаютъ его подробному осмотру, и, если пришлецъ не обрѣзанъ, то принимаютъ его, какъ гостя; въ противномъ случаѣ, обращаются съ нимъ, какъ съ врагомъ и соглядатаемъ, или, по крайней мѣрѣ, отказываютъ въ гостепріимствѣ. Вѣроятно, вражда эта къ мусульманамъ произошла отъ того, что сосѣди-мусульмане относятся къ нимъ съ обыкновенною своею нетерпимостью. Если сіягпушъ попадетъ къ мусульманамъ въ руки, то они обращаютъ его насильно въ мусульманство или дѣлаютъ рабомъ. Сіягпуши живутъ въ своихъ орлиныхъ гнѣздахъ свободно, весело, довольствуются своими произведеніями и тѣмъ,

что даетъ имъ мать-природа; любятъ они вино и по вечерамъ, подъ веселыя пѣсни и первобытные инструменты, водятъ, какъ у насъ въ деревняхъ, хороводы и отхватываютъ размашистыя, въ родѣ трепака, пляски. Богатые носятъ бумажное или шерстяное платье, бѣдные же мѣховую одежду изъ бараньихъ или звѣриныхъ шкуръ, мѣхомъ наружу. Головы брѣютъ, оставляя на макушкѣ пукъ волосъ, бороды носятъ длинныя. Очертаніе и цвѣтъ лица ихъ совершенно европейскіе, отличные отъ азіатскаго типа; глаза голубые. Они поклоняются невѣдомому Богу; святыхъ изображаютъ на деревѣ, или изъ дерева, конными или пѣшими; Богу приносятъ жертвы на простомъ камнѣ, такъ какъ образа его никто не видѣлъ. Сіагпуши народъ добродушный, общительный, правдивый, твердый въ словѣ, и очень гостепріимный. Они считаютъ братьями всѣхъ людей, особенно тѣхъ, кто носитъ кольца и пьетъ вино *) (кроме мусульманъ). Гостепріимство они считаютъ самою высшею добродѣтелью. Чужестранца они встрѣчаютъ предъ деревней; для гостя нѣтъ ничего завѣтнаго; самъ хозяинъ ему прислуживаетъ; предъ нимъ становится вино и все, что есть съѣстнаго, какъ у насъ въ старину, по пословицѣ: «все, что есть въ печи, на столъ мечи» — и прежде чѣмъ не насытится гость, хозяева ни до чего не дотрогиваются; укладываютъ его спать вмѣстѣ съ собой въ одной комнатѣ **). Бракъ

*) Поэтому они въ 1839 г. отправили посольство въ Джелаллабадъ къ англичанамъ, чтобы привѣтствовать ихъ, какъ родственниковъ, но гордые британцы приняли весьма холодно и сухо такихъ родственниковъ.

**) Слѣдующій анекдотъ, заимствованный В. В. Григорьевымъ („Кабулистанъ и Кяфиристанъ“ стр. 608) изъ разсказа Раверти о сіагпушахъ, 1859 г., знакомитъ съ патріархальнымъ и весьма характернымъ понятіемъ сіагпушей о гостепріимствѣ, анекдотъ, доказывающій, что не ко всѣмъ мохамеданамъ они относятся враждебно, а съ мирными и не фанатиками, мусульманскими сосѣдями, они уживаются дружелюбно. Одинъ сіагпушъ, зайдя въ сосѣднюю мохамеданскую деревню М о я, остановился тамъ у знакомаго. Когда пришло время спать, домохозяинъ и указываетъ гостю, гдѣ ему лечь. Послѣдній обнаруживаетъ явные признаки недовольствія и, наконецъ обра-

у нихъ дѣло общественное: требуется согласіе всей общины которая вся и пируетъ на свадьбѣ. Обрядъ свадебный заключается въ томъ, что двѣ вѣтви, величиною въ ростъ жениха и невѣсты, связываютъ вмѣстѣ или узломъ, или даются имъ въ руки. Сочетавшіеся, такимъ образомъ, берегутъ эту связку, или узелъ изъ вѣтвей, берегутъ ее пока живетъ имъ вмѣстѣ, а когда захочется, или нужда приведетъ развестись, тогда узелъ этотъ ломается — и бракъ расторгнуть. Начинается же свадьба тѣмъ, что молодецъ пускаетъ въ домъ приглянувшейся ему красотки обмоченную въ крови стрѣлу. Тогда отецъ дѣвушки розыскиваетъ лихаго охотника — и являются къ нему на подмогу сваты жениха и выдаютъ виноватаго. Свадьбы и похороны у нихъ служатъ поводомъ къ общей сильной попойкѣ. Кромѣ того, у нихъ есть и опредѣленные, установленные въ извѣстныя времена года праздники, когда, между прочимъ, никто не ѣстъ у себя дома, а непременно въ гостяхъ. Послѣдній день этихъ праздниковъ кончается общей попойкой и общей свалкой между мужчинами и женщинами. Сіягнуши не могутъ сидѣть, какъ ихъ сосѣди-мусульмане, на полу, поджавши подъ себя ноги: у нихъ есть столы, стулья и табуреты. Сіягнуши народъ красивый; особенно красотой отличаются сіягнушки. По преданію, первый и лучшій персидскій герой Рустемъ родился отъ рабыни сіягнушки.

Нашъ даровитый оріенталистъ М. А. Терентьевъ, 'въ своемъ сочиненіи «Англія и Россія въ Средней Азіи», признаетъ этихъ сіягнушей славянами и называетъ ихъ болорами. Можетъ быть, онъ и правъ: Во всякомъ случаѣ, это вопросъ будущаго, а теперь свѣдѣнія объ нихъ до того

щается къ хозяину съ упреками: Когда ты гостишь у меня, такъ я кладу тебя спать вмѣстѣ съ женою моею и дѣтьми; а вотъ я зашелъ къ тебѣ въ гости, ты укладываешь меня въ особомъ покоѣ. Это что а гостепріимство? Тѣмъ и кончилось, что мусульманинъ, чтобы успокоить гостя, долженъ былъ уложить его въ одной комнатѣ съ собою и своею семьею.

скудны, что даютъ только поводъ къ предположеніямъ и догадкамъ.

Рядомъ съ сіягпушами въ верховьяхъ притоковъ Инда, также въ орлиныхъ гнѣздахъ высочайшихъ плоскогорій и рѣчныхъ долинъ, живутъ разные тоже патріархальные народы и также отдѣленные отъ остальнаго міра недоступностію своихъ поденѣжныхъ дивныхъ странъ. Одни изъ нихъ находятся еще въ первобытной общинѣ, имѣютъ общій столъ и общее имущество. У другихъ образовался очень оригинальный и своеобразный строй жизни, предоставляющій женщинѣ не только равенство съ мужчиной, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущество и полную свободу. У этихъ мирныхъ горныхъ дикарей въ семьѣ и въ домѣ господствуетъ женщина и пользуется правомъ выбора себѣ сожителя. Сколько интереса для историковъ-философовъ и соціологовъ представляютъ эти дикія, невѣдомыя, но чудныя и прекрасныя страны!

О Кундузѣ приходится сказать еще менѣе, чѣмъ о Бадахшанѣ. Онъ занимаетъ долину и мѣстность, орошаемую рѣкою Кундузъ, и находится между Бадахшаномъ и Чарвилайетомъ.

Кундузъ, по долинамъ своихъ рѣкъ, вслѣдствіе особыхъ почвенныхъ условій, изобилуетъ болотистыми мѣстами, отъ чего при жаркомъ климатѣ въ немъ свирѣпствуютъ сильныя лихорадки. Если бы туземцы догадались и сумѣли бы осушить эти болота, то, при изобиліи воды и прекрасномъ климатѣ, онъ могъ бы быть, какъ и сосѣднія его страны на западъ и востокъ, благодатнымъ уголкомъ земли.

До 1845 года Кундузъ былъ независимое ханство, но онъ никогда не пользовался благоустройствомъ, порядкомъ и спокойствіемъ; съ издавна это было разбойничье гнѣздо, въ которомъ почти не было ни закона, ни порядка, ни правды, ни гостепріимства. Понятно, что всѣ путешественники и торговые караваны и люди старались избѣгать Кундуза и съ ужасомъ встрѣчали необходимость завернуть въ его предѣлы. Онъ населенъ узбеками и таджиками. Въ 1845 году онъ подпалъ подъ власть Достъ-Мохамедъ-хана; но благодаря ловкости и

изворотливости своихъ правителей, онъ до послѣдняго времени находился только въ вассальномъ положеніи. Сознавая, что маленькому и слабому Кундузу невозможно бороться съ сильнымъ Афганистаномъ, послѣдній его правитель, Султанъ-Мурадъ, угодливостію, предусмотрительностію и послушною исполнительностію, облегчилъ свою зависимость отъ афгановъ и удержалъ свою отдѣльную власть и отдѣльное управленіе. Но со смертію Ширъ-Али, когда сильно пошатнулась власть и положеніе афганцевъ на сѣверныхъ склонахъ Гиндукуша, Султанъ-Мурадъ почувствовалъ себя свободнѣе и, по примѣру Бадахшана, изгнавшаго афганцевъ изъ своихъ предѣловъ, захотѣлъ и самъ вполне освободиться отъ всякой зависимости отъ Афганистана,—къ чему его сильно подстрекали и англичане изъ Кабула, непризнаваемые чарвилайетскимъ афганскимъ правителемъ, братомъ покойнаго Ширъ-али, Гулямъ-Гайдаръ-ханомъ. Но настолько слабо это ханство, что даже деморализованные афганскіе палтаны (батальоны), въ числѣ 3.000 человекъ пѣхоты при 8 орудіяхъ; однимъ ударомъ опрокинули всю оборонительную его силу и, овладѣвъ Кундузомъ, принялись его грабить, такъ что Султанъ-Мурадъ обратился уже подъ защиту появившагося кстати Абдуррахманъ-хана.

Далеко интереснѣе представляется судьба афганскаго Туркестана. Онъ граничитъ съ сѣвера Аму-Дарьей и бухарскими владѣніями; съ запада вольными и пустынными туркменскими степями, туркменскимъ Мервомъ и округомъ Герата; съ юга упирается въ Гиндукушъ, а съ востока граничитъ Кундузомъ. Страна эта много видѣла, много испытала и много выстрадала: по ней проходили несмѣтныя полчища Александра Македонскаго и громадныя орды скифовъ, Чингисхана и Тимура на пути въ сказочную и богатую Индію; на ней сталкивались полчища иранцевъ и туранцевъ во взаимной борьбѣ между собою. Страна эта въ древности, за 1000 л. до Р. Хр., называлась Бактріаною, потомъ, послѣ нашествія скифовъ, въ I в. до Р. Хр., она именовалась Тохаристаномъ, а нынѣ она называется Афганскій Туркестанъ или Афганскій

Чарвилайтъ. Главный городъ этого края былъ Балхъ, древняя Бактрія. Этотъ древнѣйшій городъ въ Средней Азіи въ глубокую старину, во времена язычниковъ, величался матерью городовъ, а потомъ, во времена мусульманскія, куполомъ ислама. Страна населена была первоначально арійскими племенами, исповѣдывавшими индійскія вѣроученія. За 1000 лѣтъ до Р. Хр. нахлынули сюда съ сѣвера изъ-за Окса (Аму-дарья) и Яксарта (Сыръ-дарья) народы тюркского племени и вытѣснили аборигеновъ на западъ, часть которыхъ можетъ быть ушла въ горы и сохранилась на недоступныхъ высотахъ Гиндукуша до настоящихъ временъ. Вытѣснивъ аборигеновъ страны, пришельцы частію остались здѣсь, частію перешли Гиндукушъ и спустились къ Инду. Оставшіеся здѣсь основали городъ Бактрію, который сталъ средоточіемъ торговли востока съ западомъ, сѣвера съ югомъ. При нашествіи Александра Македонскаго, онъ уже былъ громаднымъ и цвѣтущимъ городомъ; съ половины III в. до половины I вѣка до Р. Хр., Бактрія была столицей греческихъ царей, образовавшихъ здѣсь крайнюю восточную греческую монархію, по распаденіи великой имперіи Александра. Въ 85 году до Р. Хр. нахлынули съ сѣвера новыя несмѣтныя орды скиѳовъ, которые покорили всѣ страны до Инда и образовали нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Съ водвореніемъ этихъ новыхъ пришельцевъ, Бактріана стала называться Тохаристаномъ, а Бактрія Балхомъ *). Они занесли сюда шеманство. Между тѣмъ, современъ нашествія грековъ, особенно при господствѣ ихъ здѣсь, стали весьма настойчиво и почти не прерывно проникать сюда иранцы съ юга-запада. Они селились вездѣ, гдѣ только почва благопріятствовала земледѣлію и садоводству и гдѣ не угрожала опасность отъ дикихъ туранцевъ. Въ городахъ они

*) Скиѳы эти юечжи, по мнѣнію однихъ, суть готы (германцы), по мнѣнію другихъ, тюркское племя, а китайскіе историки говорятъ, что это тибетское монгольское племя. Но всѣ сходятся въ одномъ, что они пришли изъ Ферганы и изъ-за Сыръ-Дарьи, съ сѣвера.

занимались торговлей и промышленностію, и спустя нѣкоторое время, они стали здѣсь господствующимъ племенемъ. Они занесли сюда зороастрово вѣроученіе. Еще въ первыя времена христіанства, сюда проникли проповѣдники ученія Христова, несторіане; доходилъ до этихъ странъ и св. апостоль Оома. Пользуясь вѣротерпимостію населенія и правителей, несторіане весьма успѣшно распространили ученіе Христово. Въ IV—VII вѣкахъ въ Балхѣ была епископія, какъ и въ Гератѣ, въ Мервѣ, въ Ферганѣ, въ Самаркандѣ, Кашгарѣ и Хотанѣ.

Такимъ образомъ въ Балхѣ конкурировали, но уживались мирно, браманизмъ аборигеновъ, шеманство скиѳовъ, буддизмъ монголовъ (особенно успѣшно распространившійся въ здѣшнихъ странахъ послѣ 3-го буддійскаго собора, въ половинѣ III вѣка до Р. Хр.), поклоненіе греческимъ богамъ, занесенное греками, зороастрово ученіе иранцовъ, христіанство несторіанскихъ проповѣдниковъ, пока не помирило ихъ всѣхъ мусульманство. Наплывъ фанатиковъ Мохамеда изъ жаркой Аравіи, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, стеръ безъ слѣда эти вѣроученія—и Балхъ сталъ куполомъ ислама и средоточіемъ мусульманской учености. Страна, послѣ покоренія и разоренія арабовъ, стала быстро поправляться и скоро опять достигла цвѣтущаго благосостоянія. Но съ сѣверо-востока снова появились тюрко-монгольскія орды и снова опустошили эту благодатную страну. Открылась затѣмъ вѣковая борьба туранцевъ съ иранцами — и одно за другимъ стали появляться полчища чингизидовъ, тимуридовъ, шейбанидовъ, полчища Измаиль-шаха, Надиръ-шаха, и Ахмедъ-шаха (афганскаго)—и не давали бѣдной странѣ поправиться. Теперь она, въ сравненіи съ древностію, почти обезлюдилась, а Балхъ развѣнчанъ, сталъ простой деревушкой и вмѣсто прежнихъ сотенъ тысячъ жителей, едва имѣетъ въ настоящее время 2.000 душъ.

Но не останавливаясь долго на глубокой старинѣ, скажемъ нѣсколько словъ о недавнемъ, сравнительно, времени этой стра-

ны. Съ начала XVI столѣтія до 1845 г., она съ нѣкоторыми перерывами находилась подъ владычествомъ Бухары и самый большой перерывъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1752 году, въ ханствованіе тупаго и лѣниваго эмира бухарскаго Абдулгази, Ахмедъ-шахъ афганскій овладѣваетъ нынѣшнимъ афганскимъ Туркестаномъ съ Балхомъ и Маймене, составлявшими тогда зааму-дарьинскія владѣнія Бухары. Но черезъ 26 лѣтъ смѣлый и энергичный эмиръ Бухары, Шахмурать, пользуясь слабостію афганскаго хана Тимуръ-шаха, снова завоевываетъ ихъ. Чарвилайетъ оставался въ спокойномъ владѣніи Бухары до 1845 г., когда Достъ-Мохамедъ-ханъ, озлобленный противъ эмира бухарскаго *), снова овладѣлъ зааму-дарьинскими владѣніями Бухары и присоединилъ ихъ къ Афганистану, подъ именемъ Чарвилайета. Съ этого времени власть Бухары здѣсь уже болѣе не возстановлялась.

Что Бухара такъ легко попустилась своими зааму-дарьинскими владѣніями и не пыталась до настоящаго времени возвратить ихъ себѣ, это объясняется перемѣною положенія и политическихъ интересовъ Бухары. До настоящаго столѣтія нѣсколько вѣковъ Бухара вела упорныя войны съ Персіей: это были войны религіозныя и за политическое преобладаніе въ средней Азіи, борьба Ирана съ Тураномъ, шіитовъ съ сунитами. Нынѣшній афганскій Туркестанъ, или Чарвилайетъ, игралъ въ этой борьбѣ весьма видную и выдающуюся роль: ему приходилось первому выдерживать натискъ иранскихъ полчищъ, наступавшихъ на Бухару, или же служить опорнымъ пунктомъ туранской орды, наступающей на сѣверо-восточныя окраины Ирана, или же, наконецъ, быть ареною гигантской борьбы двухъ враждебныхъ народовъ и выносить на себѣ пер-

*) Достъ-Махмедъ, конечно, не могъ забыть и простить бухарскому эмиру Насрулла то возмутительнаго варварскаго гостепріимства, отъ котораго онъ самъ едва спасся бѣгствомъ; но ему не удалось спасти своего 14-лѣтняго красавца сына Султанъ-Джана, котораго уже во-время бѣгства схватили по приказанію эмира и доставили ему въ жертву гнусной его страсти.

выя послѣдствія этой борьбы. Естественно Бухара дорожила Чарвилайетомъ, какъ важнымъ этапнымъ и опорнымъ пунктомъ и отнимала его назадъ, когда онъ подпадалъ подъ власть афганцевъ, или иранцевъ. Но борьба ея съ Ираномъ, съ 1795 года, уже болѣе не возобновлялась, и интересы Бухары здѣсь ослабѣли. Напротивъ, около половины настоящаго столѣтія политическое положеніе среднеазіатской равнины совершенно измѣнилось, и главные существенные интересы Бухары уже перенесены были съ юга на сѣверъ: на сѣверовостокѣ въ это время весьма увеличилось Коканское ханство, а главное, на Сыръ-дарьѣ, появились русскіе аванпосты. Обративъ все свое вниманіе на сѣверъ и сѣверо-востокъ, Бухара уже не такъ дорожила своими аму-дарьинскими владѣніями и уже не пыталась возвратить ихъ назадъ, такъ какъ онѣ, съ одной стороны, потеряли для нея прежнюю политическую и стратегическую важность, а съ другой стороны, онѣ поступили въ единовѣрныя ей руки. Въ афганцахъ, какъ своихъ единовѣрцахъ, она рассчитывала видѣть въ будущемъ своихъ сильныхъ и надежныхъ союзниковъ въ борьбѣ за господство ислама въ средней Азіи, которому изъ далекаго христіанскаго сѣвера начали показываться угрожающія тѣни. Въ такихъ видахъ, Бухара не вступала въ борьбу съ афганцами за свои аму-дарьинскія владѣнія. Впрочемъ, она и не въ силахъ была бы бороться съ афганцами, которыхъ борьба съ англичанами научила нѣкоторому военному искусству и болѣе или менѣе подходящему къ европейскому строю вооруженію войскъ, и которые, по натурѣ своей, далеко воинственнѣе бухарцевъ.

Но, тѣмъ не менѣе, Бухара не выпускала ихъ изъ виду и, не предпринимая ничего рѣшительнаго, лишь держалась самаго благорасположеннаго и даже заискивающаго отношенія къ единоплеменнымъ ей узбекамъ за Аму-дарьей, чтобы на всякій случай имѣть на своей сторонѣ ихъ симпатіи. А между тѣмъ, афганцы, чувствуя себя полными хозяевами въ Чарвилайетѣ, не церемонились съ туземцами и наживались при помощи поборовъ и притѣсненій.

Вслѣдствіе этого, населеніе сѣверныхъ странъ Гиндукуша, раздраженное жестокимъ и несправедливымъ управленіемъ чужеземцевъ, возненавидѣло афганцевъ и, напротивъ, съ симпатіей и надеждой относилось къ единоплеменной Бухарѣ. Последняя очень хорошо это понимала и готова была воспользоваться своимъ преимуществомъ и критическимъ положеніемъ Афганистана во время разгара борьбы афганцевъ съ англичанами, особенно послѣ смерти Ширъ-Али. Но боязнь сѣвера и появленіе за Аму-дарьей Абдуррахмана разбили всѣ ея сладкія иллюзіи и тщеславныя мечты.

Положеніе афганцевъ на сѣверномъ склонѣ Гиндукуша послѣ смерти Ширъ-Али, а затѣмъ, послѣ ареста англичанами Якубъ-хана, день ото-дня, болѣе и болѣе ухудшалось: власть ихъ упала, порядокъ разшатался, Бадахшанъ отпалъ, вассалъ кундузскій оказывалъ явное неповиновеніе, населеніе не слушалось и, наконецъ, деморализація проникла и въ войска. Они открыто роптали, выражали неудовольствіе и заявили, что если имъ не выдадутъ неполученное ими жалованье за 6 прежнихъ мѣсяцевъ, то они бросятъ службу и уйдутъ назадъ въ Кабуль. Имѣя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ афганскомъ Туркестанѣ, Абдуррахманъ рѣшился воспользоваться этой смутой и безпорядками для достиженія своей завѣтной цѣли и, соображаясь съ обстоятельствами, составилъ планъ дѣйствій. Въ виду того, что правительственная власть совершенно упала въ афганскихъ владѣніяхъ за Аму-дарьей и едва держалась въ центрѣ Чарвилайета, онъ направилъ свои дѣйствія на окраины, чтобы охватить его такимъ образомъ съ обоихъ фланговъ, гдѣ онъ рассчитывалъ на болѣе вѣрный и скорый успѣхъ. Держась такого плана, онъ послалъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Исхакъ-хана и Серверъ-хана, на западъ къ туркменамъ, а самъ отправился на Бадахшанъ. Благодаря своимъ родственнымъ связямъ, по своей женѣ, съ прежнимъ ханствовавшимъ въ Бадахшанѣ домомъ и, благодаря отдаленности и уединенности этого края, ему легко и быстро удалось завладѣть имъ. Спустившись съ высокихъ горныхъ хребтовъ на Аму-дарью, съ

260 хорошо вооруженными афганцами, онъ переправился черезъ рѣку и безъ затрудненія занялъ незначительное укрѣпленіе бадахшанское, Янги-Кала, въ первыхъ числахъ февраля прошлаго года, и вслѣдъ за тѣмъ овладѣлъ, также безъ сопротивленія значительной крѣпостью Рустекъ. Бекъ, управитель рустекскаго района и комендантъ крѣпости, Бабаханъ, преданное Абдуррахману лицо, вмѣсто сопротивленія, встрѣтилъ его съ почестями и дарами, какъ законнаго владѣтеля. Занявъ Рустекъ, Абдуррахманъ остановился въ немъ на нѣкоторое время и дѣятельно занялся подготовленіемъ дальнѣйшаго своего движенія. Онъ немедленно вошелъ въ сношеніе съ почетными и вліятельными лицами Бадахшана, особенно въ Файзабадѣ, съ вліятельными и сановными афганцами въ Чарвилайтѣ, съ правителемъ Кундуза, султаномъ Мурадомъ, съ горными афганскими племенами, съ Кабуломъ и, наконецъ, съ англичанами. Въ то же время онъ захотѣлъ показать себя и простому народу, чтобы заручиться его довѣріемъ, его симпатіей, и сталъ лично управлять населеніемъ уже подвластнаго ему рустекскаго бекства. Онъ дѣйствовалъ справедливо и твердо, но осторожно и спокойно. Вообще, его дѣйствія были строго обдуманы, тактичны и внушали полное къ нему довѣріе. Своею сдержанностью, непритязательностью и мягкимъ, справедливымъ, внимательнымъ и вообще умѣлымъ обращеніемъ съ населеніемъ, онъ до того въ короткое время расположилъ къ себѣ бадахшанцевъ и пріобрѣлъ такую популярность, что Шахъ-заде-хасанъ самъ созналъ свою предъ нимъ слабость и заблаговременно и благоразумно попустился своею властью; оставивъ Бадахшанъ, онъ нашелъ себѣ убѣжище въ сосѣднемъ горномъ Шугнанѣ. Посланный между тѣмъ Абдуррахманомъ въ Файзабадъ, Бабаханъ былъ встрѣченъ жителями его съ большимъ почетомъ, и 15-го февраля торжественно занялъ крѣпость Файзабада. Съ занятіемъ столицы, покорился Абдуррахману весь Бадахшанъ. Овладѣвъ такимъ образомъ Бадахшаномъ, онъ продолжалъ также внимательно управлять народомъ и также

дѣятельно готовить себѣ дальнѣйшій путь къ достиженію своей завѣтной цѣли.

Въ это время, въ противоположной отъ Бадахшана сторонѣ, на западѣ Чарвилайета, дѣйствовали, именемъ Абдуррахмана, посланные имъ Исхакъ-ханъ и Серверъ-ханъ. Но здѣсь не видно было ни ума Абдуррахманова, ни такта его, ни его справедливости и гуманности, а напротивъ, дѣйствія ихъ были безтактны, поспѣшны, необдуманны и не тверды, но тѣмъ не менѣе Исхакъ достигъ своей цѣли, благодаря, конечно, сложившимся обстоятельствамъ и успѣху дѣла самаго Абдуррахмана.

Прибывъ въ бухарскую крѣпость, на правомъ берегу Амударьи, Бурдалыкъ, Исхакъ-ханъ вошелъ въ сношенія съ заамударьинскими бухарскими туркменами и съ 67 афганцами перешелъ лѣвый берегъ. Туркмены, конечно, были рады такому случаю, чтобъ удовлетворить своимъ хищническимъ инстинктамъ, и въ числѣ 600 человекъ примкнули къ Исхакъ-хану. Съ этимъ сбродомъ онъ двинулся къ афганской крѣпости Ахчи. Но эти удалцы были годны только для хищничества и грабежа и не могли представлять собой никакой боевой силы. Понимая такія качества своего сброда, Исхакъ-ханъ не рѣшался на серьезныя дѣйствія противъ крѣпости Ахчи, хотя его и подбивали къ тому перебѣжавшіе къ нему афганцы, увѣряя, что весь ахчинскій гарнизонъ перейдетъ къ нему. Не довѣряя этимъ заявленіямъ перебѣжчиковъ, Исхакъ-ханъ простоялъ четыре дня въ бездѣйствіи, въ 26 верстахъ отъ Ахчи, въ селеніи Сентъ-Абадѣ, пока не выступилъ противъ него пришедшій изъ Балха Мохамедъ-ханъ, братъ самого наиба, съ кавалерійскимъ отрядомъ въ 1.000 человекъ, при 4 орудіяхъ. Узнавъ объ этомъ, Исхакъ-ханъ обратился въ быстрое и безпорядочное бѣгство и пришелъ обратно къ бухарской крѣпости Керки только со своими 67 афганцами и нѣсколькими десятками туркменъ. Но жители Керки и окрестные туркмены, опасаясь прихода афганцевъ, потребовали отъ Исхакъ-хана, чтобъ онъ убирался отъ нихъ куда хочетъ. Тогда онъ отправился къ

андхойскимъ туркменамъ, въ степь, уже на афганской территории.

Безуспѣшно, боязливо, въ постоянной тревогѣ и въ полной нуждѣ, скитаясь по кочевьямъ туркменъ, Исхакъ-ханъ рѣшился наконецъ, съ кораномъ на головѣ и принесеніемъ по обычаю военнаго стыда, отправиться въ лагерь небольшого коннаго афганскаго отряда (въ 300 человекъ), близъ Анджоя, надѣясь подѣйствовать на нихъ этимъ священнымъ орудіемъ и смиренною добровольною безъ битвы отдачею себя въ ихъ руки. Но ни коранъ, ни принесеніе стыда ему не помогли, однако, спасли его отъ плѣна: афганцы, благодаря этому, не задержали его, а только выпроводили его изъ лагеря, съ совѣтомъ бросить это дѣло.

Не видя никакого толка въ такомъ скитаніи по степи, Серверъ-ханъ отдѣлился отъ Исхакъ-хана и съ 6-ю преданными ему афганцами отправился въ Шибурханъ. Здѣсь онъ сказался привратнику крѣпости эстафетнымъ почталіономъ, но, представленный коменданту, былъ узнанъ и арестованъ. Принесеніе военнаго стыда на этотъ разъ не помогло (вѣроятно потому, что онъ вошелъ въ крѣпость обманомъ, не выдавая себя). Комендантъ Абдулъ-кадыръ-ханъ отправилъ его, какъ плѣннаго, къ наибу Гулямъ-гайдаръ-хану въ Мазари-шерифъ, гдѣ онъ и былъ растрѣлянъ.

Такая печальная участь Серверъ-хана такъ подѣйствовала на Исхакъ-хана, что онъ совершенно растерялся, считалъ уже свое дѣло потеряннымъ окончательно и на совѣтъ бухарскаго правительства бросить всѣ свои попытки и возвратиться съ повинной въ Самаркандъ или отправиться въ Бадахшанъ къ Абдуррахманъ-хану, — отвѣчалъ, что, ни въ Самаркандѣ, ни къ Абдуррахманъ-хану ему не позволяютъ отправиться совѣсть и честь, и что онъ поэтому отправится въ Гератъ или Тегеранъ.

Но успѣхи Абдуррахмана въ Бадахшанѣ, полный упадокъ власти въ центрѣ Чарвайета, вслѣдствіе окончательнаго истощенія средствъ на содержаніе войскъ, и явившіеся отъ того смуты и безпорядки, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ.

Дѣло Абдуррахмана-хана встрѣчало уже сочувствіе въ Анд-хоѣ, Шибурханѣ, Ахчѣ, Сарыпулѣ и Майменѣ, тогда какъ власть наиба Гулямъ-гайдаръ-хана падала все ниже и ниже, пока совершенно не очистила дорогу Исхаку-хану съ знаменемъ Абдуррахмана.

Вслѣдствіе такой благопріятной перемѣны, Исхакъ-ханъ, ободрившись, снова вступилъ въ сношенія, письмами и прокламаціями, съ гарнизонами, вліятельными лицами и даже нѣкоторыми беками и, усилившись перебѣжчиками, лично отправился въ Маймене опять съ кораномъ на головѣ и снова съ пресловутымъ приношеніемъ военнаго стыда и на этотъ разъ встрѣтилъ уже хорошій пріемъ и сочувствіе дѣлу и получилъ 150 человѣкъ кавалеріи поддержки. Отсюда онъ съ партіей въ 400 человѣкъ отправляется въ Андхой, гдѣ его встрѣчаютъ уже съ подарками и данью для Абдуррахманъ-хана. Присоединивъ къ своимъ силамъ гарнизонъ Андхоя, онъ отправляется къ Шибурхану и Ахчи и также безпрепятственно занимаетъ эти крѣпости, гарнизоны которыхъ, арестовавъ комендантовъ, выслали на встрѣчу депутаціи вмѣстѣ съ жителями и передались Исхакъ-хану; затѣмъ предались ему цѣлые палтаны (батальоны) афганскіе.

Узнавъ о таковомъ положеніи дѣлъ, наибъ Гулямъ-гайдаръ-ханъ, съ находящимися у него войсками, отправился къ Тохтапулю, гарнизонъ котораго, давъ знать Исхакъ-хану о своей готовности передаться ему, забаррикадировалъ городъ. Но здѣсь, во время осады крѣпости, половина отряда Гулямъ-гайдара передалась взбунтовавшемуся гарнизону Тохтапуля. Тогда наибъ принужденъ былъ отступить въ Мазари-шерифъ. Здѣсь остальная войска его взбунтовались противъ него и онъ бѣжалъ со своимъ семействомъ и незначительнымъ имуществомъ, какое ему удалось захватить, подъ прикрытіемъ 20 преданныхъ ему лицъ, въ Бухару, а войска, предоставленная своему произволу, принялись грабить мирное населеніе.

Съ бѣгствомъ Гулямъ-гайдара, Чарвилайетъ покорился Абдуррахманъ-хану. Но Исхакъ-ханъ, благодаря своей неумѣ-

лости, безхарактерности, а главное жадности къ деньгамъ, не скоро справился съ безначаліемъ и смутами, пока обаяніе имени Абдуррахмана не успокоило умы и страсти. Между прочимъ, на ряду съ крайнею безтактностью, Исхакъ-ханъ отличался и чрезмѣрною жестокостію. Дорого поплатился теперь бывшій шибурханскій комендантъ, Абдулъ-кадыръ-ханъ, за то, что, оставшись вѣрнымъ своему долгу, онъ не принялъ и не уважилъ принесенія Серверъ-ханомъ военнаго стыда, но, арестовавъ, отправилъ его въ Мазари-шерифъ къ наибу: кровавой местию отплатилъ ему Исхакъ-ханъ за смерть Серверъ-хана, хотя въ ней онъ собственно не былъ виноватъ. Когда гарнизонъ Шибурхана выдалъ своего коменданта Исхакъ-хану, тогда послѣдній приказалъ его сначала арестовать, а затѣмъ потребовалъ его въ Мазари-шерифъ. Плѣннымъ привели туда Абдулъ-кадыръ-хана, обрили ему бороду (высшее безчестіе для мусульманина) и, возили его на ишакѣ по улицамъ города, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ пытокъ, бросили въ котелъ съ кипящимъ саломъ.

Такимъ образомъ занятіе Чарвилайета нельзя приписать заслугѣ Исхакъ-хана: оно — послѣдствіе обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ него и имъ не вызванныхъ, а подготовленныхъ самимъ Абдуррахманомъ, который въ это время уже овладѣлъ Кундузомъ.

Устроивъ управленіе Бадахшаномъ и увеличивъ свои силы стрѣлками изъ бадахшанскихъ горцевъ, Абдуррахманъ, въ концѣ февраля, направился противъ Кундуза и 28-го февраля занялъ укрѣпленіе Таликанъ. Султанъ Мурадъ, кундузскій, относившійся, подъ видомъ преданности Кабулу, недоброжелательно, даже враждебно къ Абдуррахману, по измѣнившимся вдругъ обстоятельствамъ, встрѣчаетъ его, какъ своего государя, съ почестями и подарками. Наслѣдственный правитель Кундуза, онъ, какъ сказано уже выше, пользуясь критическимъ положеніемъ Афганистана и подстрекаемый англичанами, вздумалъ освободиться отъ зависимости афганцевъ и сталъ оказывать явное неповиновеніе чарвилайетскому наibu. Замѣ-

тивъ его стремленіе къ независимости, Гулямъ-гайдаръ-ханъ отправилъ противъ него изъ Ташкургана довольно сильный отрядъ, изъ 3.000 пѣхоты и 1.000 кавалеріи при 8 орудіяхъ. Черезъ 5 дней послѣ этого распоряженія, наибъ чарвилаетскій принужденъ былъ, вслѣдствіе измѣны войскъ, расположенныхъ въ Мазари-шерифѣ и западныхъ крѣпостяхъ, бѣжать въ Бухару. Свѣдѣніе объ этомъ застало отрядъ ташкурганскій на пути въ Кундузъ. Несмотря на это, отрядъ продолжалъ свое движеніе и, разбивъ нестройный сбродъ султана Мурада, занялъ Кундузъ и принялся его грабить. Послѣ трехъ дней грабежа, афганскій отрядъ вернулся въ Ташкурганъ, кромѣ палтана (батальона) кызылбаша Гуль-Ахмета, который не хотѣлъ ни возвратиться въ Ташкурганъ, ни переходить къ Абдуррахману, а задумалъ возвратиться въ Кабуль. Эти обстоятельства и сдѣлали султана Мурада изъ врага преданнымъ Абдуррахману человекомъ, ищущимъ у него защиты и спасенія.

Занявъ Таликанъ, Абдуррахманъ снова отправилъ прокламаціи и письма въ Чарвилаейетъ, къ горнымъ племенамъ афганскимъ и въ Кабуль, и вездѣ нашелъ сочувствіе, привѣтъ и преданность: даже преданный Гулямъ-гайдару палтанъ Гуль-Ахмета, стоявшій въ Кундузѣ, на пути Абдуррахмана въ Кабуль, сошелъ съ дороги, возвратившись въ Ташкурганъ. Но осторожный и уже вполне опытный Абдуррахманъ не спѣшилъ, не форсировалъ своимъ дѣломъ: онъ какъ бы не полагался на скороспѣлыя заявленія ему сочувствія и преданности. Зная по опыту, что эти чувства сами по себѣ не прочны и скоро остываютъ, что нужно ихъ поддерживать и подогревать, а для этого необходимо располагать достаточными денежными средствами, Абдуррахманъ-ханъ, главнымъ образомъ, озабоченъ былъ обезпеченіемъ своего дѣла съ этой стороны. Ему прежде всего нужны были деньги, удовлетворить жалованьемъ чарвилаетскія войска, не только за настоящее время, но и за прошедшіе, по уговору и обѣщанію, шесть мѣсяцевъ. Затѣмъ, ему необходимы были средства и для того, чтобы явиться за Гиндукушемъ не проходимцемъ, не заискивающимъ

искателемъ приключеній, а лицомъ право, власть и силу имѣющимъ. Спѣшить же безъ средствъ, на встрѣчу вынужденнымъ обстоятельствами приглашеніямъ и выраженіямъ сочувствія и преданности, въ глазахъ Абдуррахмана, хорошо, конечно, знающаго свой народъ, было очень рискованно.

Поэтому Абдуррахманъ, дойдя до Ханабада, близъ Кундуза, снова остановился и сталъ упрочивать за собою прибрѣтенное и устраивать дальнѣйшее движеніе дѣла.

Въ такомъ положеніи много помогъ ему султанъ Мурадъ кундузскій, представивъ дань въ 180.000 пуд. хлѣба и 20.000 руб. деньгами, и кстати подвернулся въ это время огромный купеческій караванъ на 500 верблюдахъ, съ индійскими товарами, шедшій изъ Кабула въ Бухару, съ котораго Абдуррахманъ взялъ, въ силу обстоятельствъ, 120.000 р. пошлины. Это дало ему средства смѣлѣе и прямѣе итти къ своей цѣли.

Устраивая, такимъ образомъ, свои финансовыя дѣла, Абдуррахманъ въ то же время возстановилъ нѣкоторый порядокъ въ подчинившемся ему афганскомъ Туркестанѣ, успокоилъ умы и страсти. Довѣріе къ нему и къ новому положенію дѣлъ болѣе и болѣе упрочивалось въ мѣстномъ населеніи. Но много ему помогли также и его сношенія съ афганцами и англичанами, въ Кабулѣ, и тамошнее положеніе дѣлъ *). Благодаря этому, Вали-Мохамедъ-ханъ и Нуръ-Мохамедъ-ханъ, угрожавшіе Чарвилайету изъ Баміана, отступили къ Кабулу, и вмѣсто враждебныхъ приказаній и прокламацій оттуда, т. е. изъ Кабула, къ афганскимъ властямъ и войскамъ Чарвилайета явились уже приказанія, благопріятныя Абдуррахману. Особенно подняло его значеніе и упрочило его вліяніе посольство англійское, явившееся къ нему, въ Ханабадъ, въ началѣ мая. Оно было весьма торжественно привѣтствовано Абдуррахманомъ,

*) Англичане, запутавшись въ афганскихъ дѣлахъ, обрадовались обращенію къ нимъ Абдуррахмана. Они ухватились за него, какъ за спасителя, который выведетъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, и старались оказать ему во всемъ свое содѣйствіе.

пробыло у него 8 дней, имѣя все время самыя дѣятельныя и постоянныя сношенія съ Ширпуромъ, и возвратилось, оставивъ при немъ двухъ повѣренныхъ. Въ концѣ мая Абдуррахманъ послалъ къ англичанамъ отвѣтнаго посланца будто бы съ полнымъ согласіемъ на всѣ ихъ требованія, который и вернулся въ половинѣ іюня. Сношенія эти, и вліяніе ихъ въ Кабулѣ и Ширпурѣ, придали ему самому болѣе смѣлости и рѣшимости, а въ глазахъ населенія и войскъ болѣе авторитетности и обаянія его власти.

Расчищая себѣ, такимъ образомъ, дорогу въ Кабулѣ, Абдуррахманъ, между тѣмъ, дѣятельно готовился къ движенію чрезъ Гиндукушъ. Но всѣ его приготовленія и сборы ясно показывали, что онъ мало довѣрялъ англичанамъ и даже къ афганцамъ относился осторожно и предусмотрительно. Англичане совѣтуютъ ему спѣшить въ Кабулѣ и ограничиться для этого только конвоемъ, а онъ медлитъ и собираетъ значительный отрядъ. Афганцы изъ Кабула приглашаютъ его, а онъ не спѣшитъ къ нимъ. Очевидно онъ не желалъ отдаваться ни тѣмъ, ни другимъ, а хотѣлъ быть полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій и явиться къ нимъ въ совершенно независимомъ и внушительномъ положеніи. Особенно заставляло его быть осторожнымъ опасеніе партіи Якубъ-хана, которая все еще была сильна. Но рѣшительное событіе около Кандагара и масса перекочевщиковъ изъ Кабула, вслѣдствіе побѣды Эюбъ-хана надъ англичанами, побудили, наконецъ, Абдуррахмана выступить къ Кабулу, и 15-го іюня онъ двинулся на Гиндукушъ во главѣ 12-ти-тысячнаго отряда. Въ видахъ упроченія своего положенія и поддержанія своего значенія въ Чарвилайетѣ и Бадахшанѣ, онъ объявилъ въ своей прокламаціи, что, по приглашенію англичанъ и кабульцевъ, онъ идетъ занять принадлежащій ему ханскій престолъ въ Кабулѣ, оставляя вмѣсто себя въ Чарвилайетѣ Исхакъ-хана.

Но и теперь Абдуррахманъ не форсировалъ движенія своего на Гиндукушъ, чего, казалось, требовали отъ него обстоятельства—и, вслѣдствіе недовѣрія къ англичанамъ и къ пригла-

шеніямъ изъ Кабула, и все еще опасаясь партіи Якубъ-хана, шелъ медленно, осторожно, хотя теперь была у него въ рукахъ значительная сила, которая заставила бы англичанъ и афганцевъ обнаружить свои замыслы, если бы таковые были, и съ нею онъ не допустилъ бы захватить себя въ расплохъ или въ невыгодномъ положеніи. Онъ подвигался впередъ по мѣрѣ того, какъ изъ Кабула и Ширпура къ нему выступали съ болѣе и болѣе опредѣленными и рѣшительными предложеніями полновластнаго ханскаго престола въ Кабулѣ. Абдуррахманъ, близко стоявшій къ дѣлу и хорошо знающій англичанъ и своихъ афганцевъ, имѣлъ, конечно, основаніе къ такому недовѣрію и нельзя сказать, что недовѣріе и предосторожности эти были, или оказались, напрасными или лишними: можетъ быть осторожность, предусмотрительность и внушительная сила въ 12-ти-тысячномъ отрядѣ и отстранили какіе-нибудь враждебные противъ него замыслы, которые въ его положеніи были весьма возможны.

24-го іюня Абдуррахманъ показался со своимъ отрядомъ на южномъ склонѣ Гиндукуша и вошелъ въ Парванъ. Онъ вступаетъ торжественно—уже въ положеніи призваннаго и признаннаго государя. Черезъ нѣсколько дней онъ прибылъ въ Чарикаръ, гдѣ его торжественно встрѣтила депутація представителей изъ разныхъ частей Афганистана. Депутація высказала ему чувства вѣрноподданства, любви и благоговѣнія къ нему, одушевлявшія всѣхъ афганцевъ; благодарила его за то, что, послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія изъ отечества, онъ не забылъ своихъ братьевъ и поспѣшилъ къ нимъ на выручку въ самое критическое ихъ время; увѣряла его, что афганскій народъ, своею преданностію и кровію, искупить свою прошедшую вину предъ нимъ *), и наконецъ просила его поспѣшить осчастливить столицу Афганистана своимъ прибытіемъ.

3-го іюля Абдуррахманъ прибылъ въ Истолифъ, гдѣ его встрѣтили англійскіе офицеры. Они, между прочимъ, передали

*) Т.-е., что афганцы не поддержали его праваго дѣла въ борьбѣ съ покойнымъ дядей, Ширъ-али-ханомъ.

ему два предложенія: первое о дозволеніи персіянамъ, живущимъ въ Кабулѣ, переселиться въ Индію, въ виду угрожающей имъ опасности со стороны газіевъ, за оказанную ими преданность англичанамъ; второе о назначеніи, для сопровожденія ихъ отряда чрезъ хайберское ущелье, надежнаго и вліятельнаго человѣка, такъ какъ всѣ важные пункты по этой дорогѣ заняты враждебными газіями. На первое предложеніе Абдуррахманъ не изъявилъ своего согласія, потому что персіяне составляютъ самый трудолюбивый и промышленный классъ въ Афганистанѣ, а обѣщаль имъ свою защиту и покровительство. Второе предложеніе Абдуррахманъ призналъ тоже неудобноисполнимымъ, потому что онъ еще не вступилъ на престолъ и не знаетъ, кого имъ назначить для исполненія такого труднаго порученія.

8-го іюля Абдуррахманъ отправился далѣе до Карабаса, въ 9 верстахъ отъ Истолифа и 14 іюля торжественно вступилъ въ селеніе Мурадъ-бекъ, въ 10 верстахъ отъ Кабула. Здѣсь встрѣтили его жители Кабула и въ честь его возвращенія и воцаренія устроили семидневное празднество. Между тѣмъ въ Кабулѣ, само-собою, по провозглашеніи его ханомъ, было устроено празднество и прочитана въ мечетяхъ хатъва (установленная на этотъ случай молитва). Даже Эюбъ-ханъ прислалъ Абдуррахману посланца, съ письменнымъ выраженіемъ вѣрноподданничества. Въ письмѣ своемъ Эюбъ-ханъ испрашивалъ приказанія, что ему дѣлать: дѣйствовать-ли наступательно противъ англичанъ, или ожидать другихъ его распоряженій и приказаній. Абдуррахманъ поблагодарилъ его и далъ нужныя указанія; между тѣмъ Эюбъ-ханъ былъ разбитъ англичанами и отступилъ въ Герать.

Такимъ образомъ Абдуррахманъ достигъ своей завѣтной цѣли и занялъ принадлежащій ему по наслѣдству престолъ. Такъ какъ въ Балагиссарѣ (въ цитадели Кабула) всѣ казенныя зданія были срыты и разрушены англичанами, а въ Ширпурѣ построено много домовъ въ европейскомъ вкусѣ, и вообще онъ представлялъ болѣе удобствъ для жизни (еще покойный Ширъ-

али предполагалъ сдѣлать его своимъ мѣстопробываніемъ, и подготовлялъ къ этому), то Абдуррахманъ объявилъ, что онъ будетъ жить въ Ширпурѣ, изъ котораго англичане вскорѣ и выступили двумя колоннами, одною, по джелалабадской дорогѣ, а другою по кандагарской, взявъ съ собою только необходимое количество продовольствія и военныхъ припасовъ, а остальное, довольно значительное, количество, оставивъ въ Ширпурѣ и въ другихъ укрѣпленіяхъ.

Вступивъ на престолъ, Абдуррахманъ-ханъ тотчасъ же сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, которыя произвели весьма хорошее впечатлѣніе на его подданныхъ: между прочимъ, отмѣнивъ прежній, установилъ новый порядокъ набора солдатъ, отмѣнилъ пошлину съ провозимыхъ товаровъ между Кабуломъ и Мазари-шерифомъ, тогда какъ прежде она взималась здѣсь въ 5-ти пунктахъ. Персіянъ, собравшихся уходить въ Индію, успокоилъ и удержалъ на своихъ мѣстахъ. Вообще Абдуррахманъ-ханъ прежде всего озаботился возстановить въ своемъ ханствѣ расшатанную власть и порядокъ и успокоить его населеніе.

Первые шаги управленія Абдуррахмана, занятіе Бадахшана и Кундуза и движеніе его чрезъ Гиндукушъ къ Кабулу, показываютъ, что Абдуррахманъ-ханъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды и возстановитъ въ Афганистанѣ власть, порядокъ, миръ и спокойствіе. Это составляетъ все то, что намъ въ настоящее время наиболѣе хотѣлось бы отъ Афганистана и Абдуррахманъ-хана.

Ю. Ю ж а к о в ъ.

"Новое Время", 1885.
№ 3262 — .

АБДУРРАХМАНЪ-ХАНЪ.

(Изъ воспоминаній о немъ).

I.

Весною 1869 г. я пріѣхалъ въ Ташкентъ въ качестве переводчика манджурскаго языка при генераль-губернаторѣ. Вскорѣ стали къ генераль-губернатору поступать приносимыя афганцами письма отъ Абдуррахманъ-хана, находившагося сперва въ Хивѣ, а потомъ въ Бухарѣ. Письма эти были писаны по-персидски, пезавиднымъ почеркомъ, чрезвычайно мелкимъ, но довольно грамотно, на тонкой почтовой бумагѣ. Сложены они были не аккуратно, безъ конверта, въ комокъ, видимо ихъ приносили по секрету. Печать подъ каждымъ письмомъ означала: «Абдуррахманъ-ханъ, сынъ Миръ-Афзаль-хана». Вся суть пяти или шести писемъ заключалась въ томъ, что Абдуррахманъ-ханъ изъявлялъ желаніе поселиться въ предѣлахъ Россіи или, по крайней мѣрѣ, просить позволенія повидаться съ генераль-губернаторомъ, къ которому онъ имѣлъ весьма важныя сообщенія. Наши отвѣты къ нему были весьма предупредительны; его приглашали въ русскія владѣнія и въ то же время ему предлагали остаться у насъ или вернуться куда онъ пожелаетъ. Отвѣты посылались съ присланными отъ него афганцами, но только въ пакетахъ и за печатью.

Наконецъ, въ половинѣ лѣта совершился въѣздъ Абдуррахманъ-хана въ Ташкентъ, въ сопровожденіи трехсотъ афганцевъ. Для нихъ были наняты домъ, находившійся въ русской части города, близъ базара, и заключавшій въ себѣ болѣе двадцати комнатъ. Въ числѣ свиты было до десяти генераловъ, нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ, остальные были или солдаты, или конюхи и повара, такъ-что для каждаго изъ свиты досталось по одной комнатѣ, а Абдуррахманъ-ханъ занялъ двѣ лучшихъ.

К. В. Струве, дипломатическій чиновникъ губернатора, пригласилъ меня съ собою къ Абдуррахманъ-хану. Когда мы вошли, увидѣли человека выше средняго роста, довольно полнаго, съ окладистой черной бородою и съ волосами, выбивающимися изъ-подъ чалмы. Цвѣтъ лица его свѣжій и здоровый, большіе черные глаза, прямой носъ, правильно очерченныя губы говорили за его арійское происхожденіе. Остальные афганцы неправильными чертами лица, полуеврейскимъ типомъ скорѣе напоминали семитовъ. Абдуррахманъ-ханъ всталъ и привѣтствовалъ насъ, приложивши руку къ

сердцу и къ головѣ, что обозначало, что онъ сердцемъ насъ любить, а умомъ почитаетъ. На немъ была надѣта, поверхъ всего, великолѣдная персидская хорьковая шуба. Послѣ первыхъ привѣтствій отъ имени генераль-губернатора и разспросовъ, благополучно ли онъ доѣхалъ, г. Струве объявилъ ему, что на первый разъ генераль-губернаторъ приказалъ выдать на его содержаніе тысячу полуимперіаловъ.

— И больше ничего не дадутъ? спросилъ Абдуррахманъ-ханъ.

— Чего-жъ вы желаете?

— Я хотѣлъ бы оружія, пороху, пушекъ и хотъ одинъ полкъ солдатъ, чтобы возобновить свои дѣйствія противъ дяди.

Мы переглянулись и отвѣчали ему, что эти вопросы насъ не касаются, и что объ этомъ онъ можетъ переговорить при представленіи генераль-губернатору, который, вѣроятно, также положительнаго отвѣта ему дать не можетъ, а предварительно снесется съ Петербургомъ.

— О, это долгая пѣсня, а я полагалъ, что у васъ иные порядки, что *прямъ-падишахъ* (полуцарь), какъ величаютъ по всей Азіи туркестанскаго генераль-губернатора, имѣетъ болѣе полномочій. Теперь я вижу, что я ошибся.

— Полномочія генераль-адъютанта Кауфмана велики, но мы полагаемъ, что въ настоящемъ, международномъ вопросѣ, онъ не рѣшится дѣйствовать самостоятельно, а сочтетъ долгомъ спросить на этотъ случай особыхъ инструкцій изъ Петербурга.

Прощаясь, г. Струве предложилъ Абдуррахманъ-хану прислать къ нему портныхъ, сапожниковъ и торговцевъ сукнами, что было принято съ удовольствіемъ.

Г. Струве распрощался и поѣхалъ къ Кауфману съ докладомъ, а я остался у Абдуррахманъ-хана, принявши его предложеніе на пилавъ. Во время завтрака и кофе онъ сообщилъ мнѣ свою біографію, которую я и передамъ здѣсь детально.

Онъ старшій сынъ Миръ-Афзалъ-хана, только не отъ царицы, а отъ простой пиду-станки; имѣетъ брата, косноязычнаго Исхакъ-хана, котораго онъ оставилъ въ Самаркандѣ, такъ какъ послѣдній не обладаетъ представительностью. При отцѣ Абдуррахманъ-ханъ былъ начальникомъ всѣхъ войскъ и нѣсколько разъ побивалъ, возмущившагося противъ его отца, дядю своего Миръ-Али-хана, то подъ Кандагаромъ, то подъ Балхомъ. Когда отецъ его умеръ, Миръ-Али немедленно ворвался въ Кабулъ и объявилъ себя эмиромъ Афганистана. Абдуррахманъ-ханъ былъ въ это время въ походѣ противъ кяфировъ, населяющихъ

горы и ущелья Гиндукуша и сѣверо-западныхъ Гималаевъ. Прошло по крайней мѣрѣ два мѣсяца, пока онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего отца и собралъ войско для изгнанія узурпатора. Стычка произошла подъ Везирп. Позиція, которую занималъ Абдуррахманъ-ханъ, была для него собственно выгодна, но только не въ горахъ, такъ какъ, застрѣльщики его, находясь на ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятеля, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, скатывались вмѣстѣ со снѣгомъ съ горы. Но въ этомъ онъ еще не видѣлъ причины окончательнаго пораженія своей арміи, а приписывалъ его удачно пущенному ядру непріятеля, сразившему главнаго его помощника Фазль-хана. Послѣ всего этого Абдуррахманъ-ханъ, недовольный переговорами съ ханомъ хивинскимъ и эмиромъ бухарскимъ, возлагалъ все свое упованіе на Кауфмана.

О.

II *)

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Абдуррахманъ-ханъ занимался примѣркою новаго мундира и прочихъ принадлежностей своего костюма. Въ качествѣ пристава, я посѣщалъ его каждый день; перезнакомился со всѣми генералами и офицерами его свиты; слышалъ даже вопли афганцевъ, наказываемыхъ по пятамъ, но во все время ласковая улыбка не покидала лица Абдуррахмана-хана. По временамъ онъ только изрѣдка вдыхалъ и приговаривалъ: «что-то будетъ, что-то будетъ!» и снова улыбка смѣняла тревожное выраженіе его лица.

— А что, скоро ли приметъ меня *джер-найль-губурнатъ* (генераль-губернаторъ)? спрашивалъ онъ меня.

— Онъ говорилъ мнѣ, отвѣчалъ я, что приметъ васъ, когда вы немного отдохнете и экипируетесь, отвѣчалъ я.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ, узнавши отъ меня о такомъ сильномъ желаніи Абдуррахмана-хана поскорѣе ему представиться, порѣшилъ въ тотъ же день ѣхать со мною къ Абдуррахманъ-хану, о чемъ я немедленно послалъ казака увѣдомить послѣдняго. Генераль-губернаторъ рѣшилъ привезти его въ тотъ же день къ себѣ на обѣдъ.

— Съ нимъ мои отношенія не официальные, а дружескія, говорилъ К. П. Кауфманъ, — заѣду я къ нему первый и кстати какъ пріятеля привезу его къ себѣ обѣдать. Впрочемъ, не знаю, какія любимыя блюда у афганцевъ?

— Плавъ, отвѣтилъ я.

Поваръ, готовившій азійскія блюда, получилъ приказаніе сварить изысканный плавъ.

Я не узналъ комнаты, въ которой помѣщался Абдуррахманъ-ханъ: всѣ диваны были покрыты роскошными персидскими коврами, стѣны вдоль дивановъ увѣшаны кашемирскими шалами. Самъ Абдуррахманъ-ханъ былъ одѣтъ въ мундиръ, съ прекрасною афганскою саблею на русской офицерской портупеѣ, а то мѣсто, на которомъ ему приходилось сѣсть, было покрыто прекрасною парчевою шубою. Должно быть эти шубы были недавно получены имъ въ даръ отъ хивинскаго и бухарскаго хановъ.

Генералъ-губернаторъ еще въ пути заучилъ отъ меня одну персидскую фразу: *хуизъ-омедитъ* (добро пожаловать) и произнесъ ее, входя въ комнату и протягивая руку Абдуррахманъ-хану. Последний схватилъ ее обѣими руками и сталъ низко кланяться.

— Скажите хану, что я очень радъ его пріѣзду и теперь лично вижу и убѣдился въ этомъ, что онъ вездѣ производилъ благопріятное для себя впечатлѣніе, какъ мнѣ доносили изъ Самарканда и другихъ мѣстъ.

— Отвѣчайте генералу, что я въ настоящее время чувствую къ нему глубочайшее благоговѣніе, какъ къ представителю Блага Царя, и добавьте, что по всей Азіи слава о немъ гремитъ. Портретъ его я видѣлъ у генерала Абрамова въ Самаркандѣ, но на самомъ дѣлѣ по портрету нельзя судить о человѣкѣ. Я, напримѣръ, ожидалъ, что буду приять въ *дербаръ* (официальный пріемъ) его превосходительствомъ, а ужь никакъ не ожидалъ, чтобы *джернайль* самъ запросто пріѣхалъ къ несчастному афганскому принцу. Я пораженъ снисходительностью и простотою обращенія русскаго генерала.

— Вы, ханъ, нѣсколько разъ писали мнѣ и просили дозволенія пріѣхать въ Россію по пути дружбы и добраго знакомства, отвѣчалъ Кауфманъ, поэтому, какъ къ новому другу, я и заѣхалъ къ вамъ первый. О дѣлахъ мы съ вами говорить покуда не будемъ, а прошу васъ сообщить мнѣ, остались ли вы довольны всѣмъ, что для васъ здѣсь сдѣлано.

Абдуррахманъ-ханъ закрылъ глаза, опустилъ голову, приложилъ руку къ сердцу и громко сказалъ:

— Сердцевѣдецъ Господь видитъ, насколько я чувствую себя счастливымъ, пользуюсь радушіемъ и привѣтомъ русскаго *ярымъ падишаха*.

— Его Величество, Государь Императоръ, Бѣлый Царь, давно уже извѣщенъ о вашемъ прибытіи и все, что вы видите, исполняется по его повелѣнію.

Подали кофе. Абдуррахманъ-ханъ пожа-

дѣлъ, что у него нѣтъ при себѣ моккского кофе, который въ изобиліи продается на рынкахъ Афганистана, но за то это *русскій* кофе, купленный здѣсь на базарѣ и поэтому, должно быть, совсѣмъ не уступающій моккскому.

Вошли генералы, одѣтые въ халаты, съ саблями при бедрѣ. Одинъ изъ нихъ оказался босикомъ. Представлялъ ихъ Абдуррахманъ-ханъ. Они рабодѣнно, согнувшись въ дугу, подходили къ генераль-адъютанту Кауфману и принимали его руку обѣими своими, неопрятными руками и затѣмъ пятились по комнатѣ назадъ. Когда дошло дѣло до представленія босоногого генерала, Абдуррахманъ-ханъ сказалъ: «пусть генераль извинитъ этого моего храбраго защитника за то, что онъ босъ. Въ сраженіи подъ Везири онъ могъ лишиться обѣихъ ногъ и своей жизни, защищая мое отступленіе. У него и до сихъ поръ еще не закрылись раны».

Посидѣвши и поговоривши немного, какъ было рѣшено, Абдуррахманъ-ханъ расположился въ коляскѣ рядомъ съ генераломъ, а я сѣлъ противъ нихъ. Сады и парки Ташкента, вдоль которыхъ мы проѣзжали, производили пріятное впечатлѣніе на хана.

— Послѣ Желеялабада, Ташкентъ самый красивый городъ въ мірѣ, въ немъ не жаль дожить до старости, съ грустною улыбкою, замѣтилъ Абдуррахманъ-ханъ.

— Нужно надѣяться, что хану не доведется здѣсь ожидать смерти. Будущее въ руцѣ Божіей, отвѣчалъ генераль.

Абдуррахманъ-ханъ въ отвѣтъ на это кивнулъ нѣсколько разъ головою и глубоко вздохнулъ.

Обѣдъ прошелъ въ разговорѣ о походахъ Абдуррахманъ-хана, объ его отношеніяхъ къ Ширъ-Али и его связяхъ съ афганскимъ Туркестаномъ. Оказалось, что ханъ состоитъ въ родствѣ съ бекомъ Шибыргана, на дочери котораго онъ недавно женился. Беки другихъ городовъ или душевно расположены къ нему, или состоятъ въ родствѣ съ нимъ.

Абдуррахманъ - ханъ обнаружилъ давнишнее знакомство съ употребленіемъ ножей, вилокъ и ложекъ, что весьма рѣдко между азіятцами.

Кофе мы пили на террасѣ. Затѣмъ Кауфманъ пригласилъ хана пройтись по цвѣтнику, такъ какъ послѣдній заявилъ, что онъ большой любитель цвѣтовъ. Ему особенно понравились анютины глазки, которые онъ называлъ по-персидски *дерди чешмекъ*, что значитъ, глазная боль.

— А какъ цвѣты эти называются по-афгански? спросилъ генераль.

Абдуррахманъ, стараясь припомнить названіе, нахмурилъ брови, но отвѣчалъ:

— Ей Богу не помню, вотъ еслибы генераль спросилъ меня, какъ этотъ цвѣтокъ называется по индустански, я бы отвѣтилъ. У насъ дѣти воспитываются въ гаремахъ и я до двѣнадцати лѣтъ прожилъ среди индустанокъ и индустанскій языкъ знаю лучше родного, афганскаго.

Когда мы были далеко отъ террасы, на которой сидѣли прочіе гости генерала Кауфмана, онъ приказалъ мнѣ обратиться къ хану съ слѣдующими словами:

— Скажите ему, что Бѣлый Царь, спуская къ моему ходатайству, назначилъ хану двадцать тысячъ рублей ежегодно и брату его Исхакъ-хану—двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Только я желалъ бы, чтобы ханъ уменьшилъ свою свиту, такъ какъ русскіе по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Послѣдній обѣщалъ исполнить это.

О.

III *)

Однако, не смотря на данное обѣщаніе сократить свою свиту, Абдуррахманъ-ханъ еще недѣли двѣ продержалъ ее при себѣ въ полномъ составѣ. Въ то же время посѣщенія имъ генерала Кауфмана были довольно часты. Разговоры дѣловыхъ, конечно, не было. Я шутилъ и, смѣясь, говорилъ любезному со всѣми своими чиновниками генералу Кауфману, что онъ влюбленъ въ хана, какъ красная дѣвушка.

— Что же дѣлать, дѣйствительно, ханъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, этого я отрицать не могу. Мнѣ его очень жаль. Замѣтили ли вы, чтобы онъ скомпрометировалъ себя чѣмъ-нибудь въ разговорѣ со мною?—Нѣтъ. Онъ внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе и заставляетъ о себѣ думать, какъ о человѣкѣ, одаренномъ природою не дюжинными способностями. Мнѣ всегда становится грустно, когда я съ нимъ расстаюсь. Несчастный человѣкъ, говорилъ генераль Кауфманъ.

Взглядъ его на Абдуррахманъ-хана я раздѣляю и до сихъ поръ, точно также, какъ раздѣляю взглядъ на него сотрудника «Новаго Времени», «Перваго человѣка», выраженный въ сегодняшнемъ номерѣ (3263) однако, недоумѣваю, какая собственно причина заставила Абдуррахманъ-хана броситься въ объятія Англіи. Полагаю, впрочемъ, что онъ дѣйствуетъ на основаніи мусульманской поговорки: «что сегодня наше, то на завтра божіе», слѣдовательно, можно сегодня ручаться за все, а на завтра отказаться отъ этого, сославшись на Бога. Маккиавелли сказалъ, что, даже и между цивилизованными государ-

ствами принято заключать трактаты для того, чтобы имѣть возможность нарушать ихъ.

Въ теченіе этого времени генераль Кауфманъ устроилъ маневры. Саперы возвели укрѣпленіе на р. Саларъ и подъ него подвели мину. Войска должны были, по взорваніи мины, штурмовать это укрѣпленіе. На маневрахъ присутствовалъ, конечно, и Абдуррахманъ-ханъ, со своими генералами. Когда насталъ моментъ взрыва мины, генераль предложилъ хану соединить проводникъ съ электрической батареей, объявивши ему, что вслѣдствіе этого произойдетъ взрывъ укрѣпленія. Абдуррахманъ-ханъ исполнилъ все какъ слѣдуетъ, не сводя глазъ съ мѣста, гдѣ долженъ былъ произойти взрывъ, который быстро послѣдовалъ.

— *Инъ че чизъ эстъ* (что же это такое?!). *Хикметъ эстъ* (мудреная штука), вскричалъ Абдуррахманъ-ханъ, и удивленными глазами взглянулъ на генерала.

Послѣдній приказалъ мнѣ объяснить хану, что такое электрическая машина, а у себя на дому познакомилъ его съ гальванизмомъ, показавъ ему приборъ, которымъ онъ лечился отъ ревматизма. Генералы свиты хана, присутствовавшіе при этомъ, были поставлены въ рядъ, держа другъ друга за руки; первому и послѣднему были вручены проводники положительный и отрицательный и пущенъ токъ. Сперва они переглядывались и улыбались, не понимая, отчего происходитъ подергиваніе мускуловъ, которое они чувствовали, но когда былъ усиленъ токъ, имъ свело руки и они начали кривляться и кричать: ай, ай, *таубе, таубе* (каюсь, каюсь).

Генераль, какъ и всѣ мы, помиралъ со смѣху; но когда комедія эта кончилась, ханъ принялъ серьезный видъ и попросилъ повторить это дѣйствіе гальванизма надъ нимъ. Я и еще кто-то изъ русскихъ взяли хана за руки и былъ пущенъ довольно сильный токъ, така что и мы, втроемъ, очутились въ томъ же положеніи, въ которомъ были наши предшественники. По окончаніи опыта ханъ чрезвычайно интересовался узнать, можно ли самимъ подвергающимся этому прекратить непріятное чувство, которое они испытываютъ. Ему отвѣчали, что для этого стоитъ только одному изъ нихъ отнять свою руку, и токъ немедленно прекратится.

Снова былъ повторенъ опытъ надъ лицами свиты хана, но когда токъ былъ усиленъ, афганцы не сумѣли разнять рукъ, до того имъ свело всѣ пальцы.

Словомъ, опыты надъ электричествомъ и гальванизмомъ, показанные хану, произве-

ли на него глубокое впечатлѣніе, и онъ захотѣлъ непременно изучить основательно эти знакомыя ему силы.

На меня было возложено перевести на персидскій языкъ изъ физики Ленца ту часть учебника, въ которой говорится объ электричествѣ.

Вернувшись уже въ Петербургъ, я слышалъ отъ многихъ ташкентцевъ, что ханъ устроилъ у себя цѣлый физическій кабинетъ, выписалъ очень много физическихъ приборовъ, касающихся электричества, изъ Петербурга, взрывалъ мины въ саду и потѣшался надъ кривляніями туземцевъ, подвергаемыхъ опытамъ. Не думаю, чтобы дальше этого пошли научныя занятія хана.

Его занималъ скорѣе вопросъ, отчего гальванизмъ называется и по-французски галванизмомъ, а электричество называется *électricité*, и съ трудомъ понялъ, что одно и то же слово, на различныхъ языкахъ, можетъ произноситься одинаково или различнымъ образомъ.

Сообщу еще одинъ не безынтересный фактъ. Разъ генералъ Кауфманъ завезъ Абдуррахманъ-хана въ фотографію и предложилъ ему снять съ себя портретъ.

— Ни за что этого не сдѣлаю, это противно нашей религіи и не просите лучше меня объ этомъ.

— Но если Государь желаетъ имѣть вашъ портретъ, развѣ вы откажете въ этомъ Бѣлому Царю? настаивалъ генералъ.

— А развѣ я самъ не поѣду въ Петербургъ, неужели я не увижу Бѣлаго Царя? въ минорномъ тонѣ заговорилъ ханъ.

— Вѣроятно поѣдете и представитесь Государю, но ему небезынтересно было бы видѣть вашу фотографію. Надѣюсь, исполните небольшую прихоть человѣка, который такъ васъ полюбилъ и обращается къ вамъ съ такой ничтожной просьбой, продолжалъ убѣждать его генералъ.

Но Абдуррахманъ-ханъ настаивалъ, что онъ никогда не рѣшится допустить нарисовать свое изображеніе, чтобы впослѣдствіи не быть вынужденнымъ отдать душу для его одушевленія *). Я прибѣгнувъ къ хитрости, старался убѣдить Абдуррахманъ-хана, что фотографія вовсе не то, что работа живописца, и что въ этомъ случаѣ самъ Богъ будетъ содѣйствовать отпечатанію его изображенія, стоитъ только посидѣть не шевелясь полминуты.

Ханъ, сдѣлавъ презрительную гримасу, сказалъ, что ничего съ нами не подѣлаетъ, и сѣлъ на стулъ. Пока его позировалъ фотографъ, я объяснялъ ему, что фотографія признана султаномъ турецкимъ и шахомъ персидскимъ, а равно и всѣми европей-

цами, за отдѣлъ науки и что, если ему будетъ угодно, я покажу ему портреты султана и шаха. Чтобы развлечь его, я намекнулъ, что фотографія не будетъ производить никакихъ подергиваній въ тѣлѣ, какъ электричество и гальванизмъ. Лицо его просіяло, и не успѣли мы отвернуться, какъ уже фотографъ захлопнулъ крышку аппарата и скрылся въ другую комнату. Ханъ не хотѣлъ вѣрить, что оттуда фотографъ вернется уже съ его портретомъ.

Черезъ пять минутъ былъ вынесенъ негативъ и ханъ положительно вытаращилъ глаза, недоумѣвая, какъ это сдѣлалось. Когда ему, черезъ нѣсколько дней, я привезъ портретъ, онъ призвалъ своихъ генераловъ, показалъ его имъ и всѣ они заговорили по афгански въ одинъ голосъ. Изъ ихъ рѣчи я могъ понять только одно слово: «шайтанійстъ» (дьявольщина).

Однако, въ скоромъ времени вся свита хана пожелала сняться; имъ предлагали сняться группой, но они почему-то не пожелали этого. У меня остался портретъ Абдуррахманъ-хана.

Теперь сдѣлаю небольшую оговорку. Да будетъ мнѣ не вѣнено въ вину, что я рѣшаюсь исправить ошибку хроникера «Новаго Времени» и г. Амикуса, повторившаго эту ошибку во вчерашнемъ, 85-мъ № «Петербургской Газеты», но вѣдь *amicus Plato sed magis amica veritas*, безъ всякаго каламбура. Дѣло вотъ въ чемъ: въ Петербургъ пріѣзжалъ и состоялъ прикомандированнымъ къ Лейбъ-Гусарскому полку полковникъ Искандеръ-ханъ (внукъ Достъ-Мухамед-хана и сынъ покойнаго гератскаго владѣтеля Ахмеда-хана) а Абдуррахманъ-ханъ, дальѣ Ташкента, не былъ въ предѣлахъ Россіи, слѣдовательно и не могъ любезничать съ русскими барышнями въ Художественномъ Собраніи. Желаніе у хана побывать въ Петербургѣ и представиться Государю было сильное, но, должно быть, какія нибудь политическія соображенія заставили генерала Кауфмана совершенно отклонить даже самый вопросъ о поѣздкѣ. Искандеръ-ханъ дѣйствительно ловеласничалъ здѣсь нѣсколько времени, сидѣлъ на гауптвахтѣ и, недовольный тѣмъ, что ему было назначено содержаніе въ три тысячи рублей, между тѣмъ какъ какому-то Абдуррахманъ-хану назначили двадцать тысячъ, просилъ позволенія у военнаго министра съѣздить въ Англію. Уѣхалъ, да тамъ и остался. Во время послѣдней турецкой войны, онъ явился къ султану, съ предложеніемъ услугъ. Но и тамъ ему не повезло. Теперь онъ находится въ Персіи, гдѣ состоитъ въ конвоѣ шаха.

Среди удовольствий, которыми К. П. Кауфманъ развлекалъ своего гостя, былъ данъ блестящій балъ. На немъ присутствовалъ Абдуррахманъ-ханъ со свитою и были приглашены почетные жители Ташкента. Балъ открылся полонезомъ, въ десять часовъ вечера. Въ первой парѣ шелъ генералъ съ г-жей М—ской; во второй—Абдуррахманъ съ м-лле П—манъ, барышней весьма симпатичной наружности и декольтированной.

— Съ которой ноги начинать, спросилъ меня Абдуррахманъ-ханъ.

— Хоть съ правой, хоть съ лѣвой, отвѣчалъ я: — для этого законъ не писанъ, какъ для васъ удобнѣе, — я не большой танцоръ.

Пары удалились въ другія комнаты и вернувшись опять въ залу, закончили полонезъ обычнымъ поклономъ.

— Чортъ возьми! совсѣмъ вспотѣлъ, говорилъ Абдуррахманъ-ханъ, вытирая лицо платкомъ и тяжело дыша: — нельзя ли мнѣ узнать, кто такая эта особа, съ которой я только-что прошелся?

— А что, плѣнила она васъ, что ли?

— Нечего сказать, интересная барышня, у меня до сихъ поръ сердце сильно бьется, вѣдь я въ первый разъ въ жизни ходилъ съ дамой подъ руку въ такомъ многолюдномъ обществѣ! Ахъ, зачѣмъ это ваши барышни такъ! открываютъ грудь и обнажаютъ руки!

Въ это время мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ стояла его свита. Между афганцами шелъ невнятный говоръ; одни порицали хана за участіе, которое онъ принялъ въ танцахъ, другіе, наоборотъ, одобряли его за это. Приблизившійся къ нему имамъ сталъ ему доказывать, что это *шайтанійетъ* (дьявольское навожденіе). Въ отвѣтъ ханъ махнулъ рукою и пошелъ со мною по комнатамъ. Мы подошли къ буфету, гдѣ ханъ съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ два стакана оршада.

Часа черезъ два, генералъ приказалъ мнѣ объявить хану, что если для него пребываніе въ толпѣ утомительно и онъ предпочиталъ бы удалиться, то онъ противъ этого ничего не имѣетъ, если же ему угодно подождать часокъ другой, пока будетъ поданъ ужинъ, то генералъ останется этимъ очень доволенъ. Ханъ просилъ позволенія отпустить только свиту, а самъ пожелалъ остаться.

— Только предупредите, что ужинъ будетъ *à la fourchette*, то есть, что кавалеры должны обслуживать дамамъ, и я желаю, чтобы ханъ подражалъ намъ въ этомъ. замѣтилъ, улыбаясь, генералъ.

Ханъ былъ какъ въ иголкахъ, не зная, бѣжать ему или оставаться. Въ это время подошла къ намъ одна миложавая, красивая собою дама и выручила его изъ затрудненія. Это была г-жа Ж—ва, супруга начальника артиллеріи.

— Спросите хана, г. О., какъ ему нравится сегодняшній вечеръ? Ханъ отвѣчалъ съ пріятною улыбкой, что балъ очень хорошъ, танцы его весьма интересуютъ и особенно его радуетъ, что онъ, никогда не бывавшій подъ сѣвернымъ небомъ, видитъ здѣсь такое множество сѣверныхъ звѣздочекъ, красота которыхъ производитъ на него чарующее впечатлѣніе, и что онъ надѣется на скорое осуществленіе своей заветной мечты, побывать въ Петербургѣ, гдѣ онъ встрѣтитъ еще большее собраніе ихъ.

— Переводи, да не компрометируй меня, быть можетъ я сказалъ что нибудь неприличное, пожалуйста, будь осторожнѣе, сказалъ онъ мнѣ по-персидски.

Выслушавъ любезный отвѣтъ хана, г-жа Ж—ва пожала ему руку, сдѣлала глазки и удалилась.

— Готъ интересная особа, замѣтилъ ханъ, смотря ей вслѣдъ.

— Что жъ, вотъ вамъ и случай услуживать за ужиномъ, она почтенная дама, мать большого семейства, жена уважаемаго всѣми генерала, — это нисколько не должно васъ стѣснять, отвѣчалъ я ему, и повелъ хана знакомить съ генераломъ Ж—вымъ. Ханъ наговорилъ генералу много лестнаго о состояніи русской артиллеріи и о дѣйствіяхъ войскъ на послѣднихъ маневрахъ.

Когда приблизился часъ ужина, я подошелъ къ г-жѣ Ж—вой и предупредилъ ее, что ханъ предложитъ ей руку, чтобы вести ее къ столу и что я буду присутствовать при этомъ въ качествѣ переводчика.

Дамы помѣстились за столомъ и г-жа Ж—ва пожелала какой-то рыбы. Кавалеры, пообыкновенію, столпились около буфета, не обращая ни на кого вниманія. Ханъ едва могъ подойти къ столу, съ тарелкою въ рукахъ. Какъ разъ передъ нимъ стояло блюдо съ рыбой.

— Ну, братъ, научи какъ быть и чего ей положить на тарелку?

Я указалъ на рыбу и посоветовалъ ему положить поумѣреннѣе, потому что у насъ дамы мало кушаютъ.

— А, вотъ гдѣ вы, — одобряю, одобряю, не сите, сказалъ Кауфманъ, подмигивая глазомъ, — а послѣ ужина, когда гости разъѣдутся, прошу васъ остаться на полчаса со мною, мы переговоримъ о дѣлѣ.

Когда я передалъ это хану у него и руки опустились и онъ чуть не уронилъ тарелку.

— Теперь ночь, скажи генералу, что время ему спать ложиться и что я вовсе не желаю его беспокоить, прибавь, пожалуй, что я къ серьезнымъ разговорамъ, въ настоящую пору, вовсе не способенъ; потому что самъ спать хочу. Нельзя ли отложить переговоры до завтра?

К. П. Кауфманъ расхохотался, когда я ему передалъ просьбу Абдуррахманъ-хана отложить переговоры на завтра, такъ какъ у нихъ у обоихъ голова будетъ свѣжѣе.

— А я, именно, и выбралъ такое время когда ханъ будетъ немножко утомленъ, чтобы не затягивать переговоровъ и покончить ихъ разомъ. Я увѣренъ, что ханъ останется и извинить меня старика, что я требую отъ него невозможнаго, но, по моему мнѣнію, никогда не слѣдуетъ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня.

Ханъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ и съ трудомъ говорилъ:

— Послушай, другъ мой милый, скажи генералу, что у насъ не принято, не совершивши молитвы, приступать къ серьезному дѣлу. Не могу же я, послѣ этого содома, обстоятельно отвѣчать на вопросы, которые онъ можетъ мнѣ предложить.

К. П. Кауфманъ настаивалъ, чтобы ханъ непременно остался, и послѣдній прибѣгнулъ къ уловкѣ: не дождавшись конца ужина, сказался больнымъ и исчезъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько дней я нашелъ хана въ особенномъ расположеніи духа: онъ былъ добръ, свѣжъ, румянъ, красивъ, словомъ, помолодѣлъ на десятокъ лѣтъ.

— Какъ дѣла, ханъ? что новаго? вижу, что вы получили добрыя вѣсти.

— Добрыхъ вѣстей нѣтъ, а добрый советъ получилъ и попрошу тебя устроить мое свиданіе съ губернаторомъ, весело отвѣчалъ Абдурахманъ-ханъ.

— О чемъ же вы будете говорить съ Константиномъ Петровичемъ? спросилъ я, желая предупредить генерала о предметѣ новыхъ переговоровъ.

— Ничего теперь не скажу, потомъ узнаешь; вѣдь мнѣ безъ тебя, какъ безъ языка, обойдись невозможно, и къ чему тебѣ знать?!

— Собственно говоря, я спросилъ васъ объ этомъ съ тою цѣлью, что не лучше ли будетъ вамъ изложить ваши доводы письменно? схитрилъ я.

— Писать не о чемъ, а попроси только у генерала назначить мнѣ часъ, когда онъ могъ бы меня принять.

К. П. Кауфманъ пригласилъ его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать и въ назначенный часъ мы были у генерала. Послѣ весело проведеннаго въ разговорахъ обѣда, генераль-губернаторъ удалился съ Абдурахманъ-ханомъ въ кабинетъ. Ханъ непринужденно помѣстился за столомъ противъ генерала и повелъ съ нимъ рѣчь, прикидываясь равнодушнымъ, какъ будто предметъ ихъ бесѣды его мало интересуетъ.

— Къ какимъ же результатамъ вы пришли? спросилъ Кауфманъ.

— Прежде сообщенія моей мысли я попрошу васъ сказать мнѣ: сдѣлали ли вы послѣднія ваши предложенія по приказанію Бѣлаго Царя или объ этомъ ему ничего неизвѣстно?

— Понятное дѣло, что Государю Императору было заблаговременно доложено какъ о прибытіи вашемъ, такъ и о предстоящихъ переговорахъ на основаніи словъ вашихъ, переданныхъ мнѣ г. Струве. Никто, кромѣ самого Государя, не могъ бы назначить вамъ содержанія въ двадцать тысячъ; даже припомните мое первое отвѣтное письмо, — и его я не рѣшился бы послать къ вамъ безъ воли Императора. Вамъ оказанъ здѣсь радушный пріемъ вслѣдствіе письма вашего, въ которомъ вы выразили желаніе посѣтить Россію по пути дружбы и добраго знакомства. Повѣрьте, если бы я предвидѣлъ ваши настоящія требованія, я никогда не пригласилъ бы васъ къ намъ и оставилъ бы письмо ваше безъ отвѣта.

— Генералъ долженъ былъ предвидѣть, что я, какъ претендентъ на афганскій престолъ, не могу имѣть къ Бѣлому Царю ничего другого, кромѣ просьбы о содѣйствіи мнѣ къ возстановленію похищенныхъ у меня правъ.

— Даю вамъ слово, что я вовсе не имѣлъ въ виду подобныхъ требованій, и еслибъ я зналъ объ этомъ, то и не подумалъ бы пригласить васъ въ Ташкентъ. Вспомните, что вы просились къ намъ, заявляя, что явитесь съ мирными намѣреніями, а теперь выражаете желаніе вовлечь насъ въ борьбу съ Ширъ-Али ханомъ, что составляетъ не азійскій, а общеевропейскій вопросъ. Повторяю прежній совѣтъ мой, что хану слѣдуетъ держаться выжидательной политики, а не пускаться въ рискованныя предпріятія. Что же теперь скажете мнѣ, ханъ? до чего вы додумались?

— Конечно, я не имѣю права сомнѣваться въ вашихъ словахъ, но все-таки просилъ бы вашего разрѣшенія написать письмо къ Бѣлому Царю или самому ѣхать въ Петербургъ.

— Относительно письма отвѣчу, что писать для хана будетъ совершенно бесполезно, такъ какъ письмо его не будетъ даже доложено Императору, а о поѣздкѣ въ Петербургъ ведется уже переписка; приходится хану немножко обождать.

— А долго ли придется ждать? спросилъ ханъ.

— На это я скажу хану, что будущей весной я самъ поѣду въ Петербургъ и лично доложу Императору о желаніи хана представиться Государю и о результатѣ своего ходатайства сообщу по телеграфу, если только прежде не будетъ получено изъ Петербурга отвѣта на сдѣланное уже представленіе объ этомъ.

— Ждать такъ долго для меня невозможно, потому что изъ многихъ городовъ Афганистана я получилъ письма, въ которыхъ преданныя мнѣ лица умоляютъ меня поспѣшить избавленіемъ отъ притѣсненій Ширъ-Али-хана. Убѣдительно прошу генерала разрѣшить мнѣ немедленно отправиться въ Петербургъ; я возьму съ собою только двухъ челоуѣкъ изъ моей свиты и черезъ мѣсяцъ вернусь обратно.

— О поѣздкѣ хана въ столицу и рѣчи быть не можетъ.

— А если я тайкомъ уѣду въ Петербургъ?

— А тогда васъ вернуть обратно и вы весьма легко можете лишиться милостей, которыя вамъ оказываетъ наше правительство.

Ханъ задумался и долго оставался въ

этомъ положеніи. К. П. не мѣшалъ ему и ждать, пока онъ очнется.

— А, что же пушки, взятые отъ бухарцевъ, будутъ мнѣ даны или нѣтъ? спросилъ Абдуррахманъ-ханъ, поднявши голову.

— Все что ему обѣщано въ прошлый разъ будетъ ему дано, если онъ предпочтетъ жизнь авантюриста мирному пребыванію въ Ташкентѣ. Дамъ ему даже нѣсколько берданокъ, но только съ условіемъ, чтобы онъ вручилъ вамъ теперь тѣ письма, которыя имъ получены изъ Афганистана.

Ханъ приложилъ руку къ сердцу и наклонилъ голову въ знакъ своего полного согласія на это. Онъ раскланялся съ генераль-губернаторомъ и вышелъ, а я пошелъ за нимъ.

— Эхъ-ма, какъ жаль, что дѣло не выгорѣло, приходится жить мирнымъ гражданиномъ и ожидать отвѣта изъ Петербурга, сказалъ ханъ въ раздумьи.

Письма, переданныя имъ мнѣ, большею частию были отъ его родичей или отъ лицъ, занимавшихъ при Миръ-Афзаль-ханѣ видныя мѣста и смѣненныхъ Ширъ-Али-ханомъ. Въ нихъ заключались жалобы на притѣсненія новаго правителя, выражалось желаніе возвращенія Абдуррахманъ-хана въ Афганистанъ и вообще они не заключали въ себѣ ничего особенно интереснаго. На броженіе въ народѣ и недовольство его Ширъ-Али-ханомъ и намека не было.

На другой день, когда я пріѣхалъ къ Абдуррахманъ-хану, я нашелъ въ немъ большую перемѣну, онъ совершенно овладѣлъ собою и спокойно разсуждалъ о своемъ положеніи.

— Вообрази, мой другъ, я видѣлъ сегодня во снѣ, что ко мнѣ явился ангелъ и посоветовалъ мнѣ жить въ мирѣ и покоѣ, о родинѣ думать меньше, а больше о самомъ себѣ, такъ какъ я, быть можетъ, пригожусь еще послужить своей отчизнѣ.

Когда я разсказалъ это Кауфману, онъ замѣтилъ, что этотъ ангелъ даетъ хану такіе добрые совѣты, какихъ сорокъ тысячъ братьевъ выдумать не могутъ. О.

VII *)

Оставимъ, однако, въ сторонѣ дѣловые переговоры хана съ Кауфманомъ. Это необходимо, потому что, какъ увѣряютъ послѣднія телеграммы, есть большія надежды окончить возникшія недоразумѣнія миромъ, поэтому я и воздержусь, до поры до времени, отъ подробнаго изложенія этихъ разговоровъ, а перейду къ частностямъ.

Вы знакомы уже съ внѣшностью Абдуррахманъ-хана, а, пожалуй, отчасти и съ тѣмъ, какъ онъ поставилъ себя въ отноше-

ни генералъ-губернатора и всего русскаго общества Ташкента. Абдуррахманъ-ханъ, кромѣ ласковаго обращенія со всѣми, замѣчательнъ, какъ азійскій гастрономъ. А не мудрено, ему, воспитанному въ гаремѣ, привыкнуть къ изысканному столу. Его поваръ до того разнообразилъ единственное блюдо, которымъ ханъ питался въ Ташкентѣ, что можно положительно сказать, что въ теченіе педѣли ни разу не повторялся одинъ и тотъ же плавъ. Ему подавали плавъ съ бараниной и изюмомъ, потомъ плавъ съ курицей, миндалемъ и шафраномъ, затѣмъ плавъ съ потрохами, плавъ съ морковью и съ гороховымъ соусомъ и всего не пересчитаешь. Сколько я припоминаю, у насъ, въ русскомъ посольствѣ въ Тегеранѣ, также былъ обычай употреблять разные плавъ и пловы, но, какъ извѣстно, послѣдніе приготовляются изъ риса на водѣ и къ нимъ подается разнообразная подливка. Особенно хороша была подливка изъ воробьевъ.

Абдуррахманъ-ханъ, какъ я замѣтилъ, питаетъ вѣру въ Провидѣніе и сохраняетъ всегдашнее равнодушіе ко всѣмъ неудачамъ.

Я говорилъ какъ-то, что случилось мнѣ слышать крики наказываемыхъ по пятамъ людей, но этимъ я вовсе не хотѣлъ сказать, чтобы Абдуррахманъ-ханъ былъ жестокосердъ, впрочемъ я подтверждаю это впоследствии примѣромъ.

Разъ я заѣхалъ къ нему и не засталъ его дома, а нашелъ только одного генерала и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

Приведу здѣсь отзывъ его объ отвагѣ хана въ виду опасности, не полагая, чтобы отзывъ этотъ былъ преувеличенъ изъ преданности генерала къ своему повелителю.

— Не вѣрь, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ своей судьбѣ и что ему пріятно ждать перемѣны обстоятельствъ въ бездѣйствіи въ Ташкентѣ, говорилъ генералъ. Онъ, какъ порохъ—попадетъ въ него искра и ты его не узнаешь. Нужно видѣть его во время войны, когда онъ командуетъ своими войсками, тогда онъ дѣлается положительно неузнаваемъ. Даже и подъ Визирі, мы нѣсколько разъ переходили въ наступленіе, только несчастная позиція и не дисциплинированное войско были причиной потери сраженія. Ханъ вовсе не бѣжалъ изъ подъ Визирі, какъ онъ вамъ говорилъ, а повидавшись съ Ширъ-Али-ханомъ, обѣщалъ ему на коранѣ оставить край, перебраться чрезъ Аму-Дарью и жить на покой. Только послѣднія письма изъ Афганистана возбудили въ немъ желаніе возстановить свои права.

— Я читалъ всѣ письма изъ Афганиста-

на, но ни въ одномъ не нашелъ достаточныхъ причинъ къ этому.

— Ты читалъ тѣ письма, которыя были тебѣ вручены ханомъ, а не всѣ, какія онъ получалъ.

— Интересно бы знать, что заключалось въ письмахъ, которыя отъ меня были скрыты.

— Я тебѣ объ этомъ говорить не хочу на томъ же основаніи, на которомъ и ханъ не показывалъ тебѣ этихъ писемъ: онъ тебя боится, какъ огня, опасаясь, что ты все сообщешь Кауфману; вѣдь испуганный выстрѣломъ изъ ружья скворецъ улетаетъ изъ скворешницы, когда ты потомъ покажешь ему даже палку.

Возвращеніе хана съ охоты прервало нашу бесѣду. Его кречетники, сокольниковы и беркутники говорили за то, что ханъ обзавелся любимой имъ ловчей птицей и отъ бездѣлья развлекается охотой.

Бросая поводья верховой лошади, ханъ потрепалъ коня по гривѣ и приказалъ принести всю сегодняшнюю добычу въ комнату, желая похвалиться передо мной удачной охотой. Дѣйствительно, до десятка фазановъ, нѣсколько зайцевъ, одна лисица, ятукъ тридцать убитыхъ перепеловъ и нѣсколько куропатокъ составляли трофей ханской охоты.

— Мы выѣхали до зари къ р. Чирчику, оттуда пробрались чуть-было не до д. Старого Ташкента, сказалъ ханъ.

— А не встрѣтили ли вы тамъ тигра? спросилъ я.

— Люди говорятъ, что видѣли одного, но я не видалъ, хотя не испугался бы, имѣя въ рукахъ скобелевскую скорострѣлку (М. Д. Скобелевъ въ это время находился въ Ташкентѣ и былъ съ ханомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ). Конечно, каждый выстрѣлъ портитъ соколиную охоту и послѣ него соколъ не пустится за добычей. Уберите эту дичь, приказалъ Абдуррахманъ-ханъ прислугѣ. — А вотъ я теперь покажу вамъ самую интересную добычу настоящей охоты: это четыре перепела, пойманные живыми въ сѣтку. Внесите ихъ сюда.

Каждый перепелъ помѣщался въ ситѣ, дно котораго состояло изъ сѣтки, такъ же, какъ и верхъ, за который держали сито, показывая намъ перепеловъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ, что у афганцевъ существуетъ перепелиный бой и назначенныхъ къ бою перепеловъ содержатъ въ такихъ ситахъ, съ сѣткою вмѣсто дна, и носятъ подъ одеждой для того, чтобы перепелъ находился постоянно въ возбужденномъ состояніи. Ханъ вынулъ изъ сита од-

ного перенела, подрѣзавъ ему крылья и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Этого назову Абдуррахманомъ, а ты выбери мнѣ другого, который будетъ представлять Ширъ-Али и мы черезъ четыре дня устроимъ бой. Попробуемъ судьбу. И онъ принялся подтачивать острымъ ножомъ клювъ птички.

Я не присутствовалъ при этомъ боѣ, но видѣлъ и ѣлъ этихъ птишекъ, приготовленныхъ во вкусномъ плавѣ.

— Мой Абдуррахманъ былъ хорошъ, потому что его славно выхолили, а Ширъ-Али послѣ перваго же удара пустился наутекъ. Конечно, я понимаю, что это случилось потому, что послѣдняго плохо выносили для того, чтобы угодить мнѣ, сказалъ ханъ, бросая дружескій взглядъ на свою свиту.

О.

VIII *)

Когда Абдуррахманъ-ханъ, мѣсяцевъ черезъ восемь, покидалъ Ташкентъ, я провожалъ его до Зенги-Ата.

Проѣзжая мимо площади, гдѣ были въ безпорядкѣ свалены бухарскія чугунныя и мѣдныя орудія, ханъ не удержался, чтобы не вскрикнуть, показавши мнѣ на нихъ:

— Вотъ они, моя будущая надежда и упованіе! Знаешь, вѣдь я разъ, ночью, проѣзжалъ сюда осматривать всѣ эти орудія и они показались мнѣ не совсѣмъ исперченными; два изъ нихъ дѣйствительно заклепаны, а остальные ничего себѣ. Однако, нужно много работы, чтобы привести ихъ въ порядокъ, ни у одного нѣтъ лафета, нужны зарядные ящики, нѣтъ ни одного банника.

Я уже зналъ, что орудіямъ этимъ дано совсѣмъ другое назначеніе, а не то, о которомъ думалъ Абдуррахманъ-ханъ, но, не высказывая ему этого, спросилъ его, нравится ли ему орудіе съ подписью: «пушка повелителя правовѣрныхъ»? Онъ отвѣчалъ, что изъ всѣхъ орудій, это единственное, отъ котораго онъ никогда бы не отказался: оно отлито при эмирѣ Насруллаѣ, въ присутствіи его дѣда Достъ-Мухаммедъ-хана, и онъ показалъ мнѣ самую надпись.

— Когда дѣдъ мой, въ молодыхъ лѣтахъ, подобно мнѣ, искалъ убѣжища въ Бухарѣ, онъ, какъ знатокъ литейнаго искусства, присутствовалъ въ арсеналѣ Насруллы при отливаніи пушекъ. Будь, мнѣ кажется, у меня цѣлый арсеналъ усовершенствованныхъ френгами и русскими пушекъ, я и тогда бы съ благоговѣніемъ перевезъ это орудіе въ Кабулъ и поставилъ бы его на стѣнахъ Бала-Хисара (такъ называется кабульская цитадель).

Мы разстались съ нимъ дружески и да-

же поцѣловались, что у мусульманъ вовсе не въ обычаѣ. Его фаэтонъ поѣхалъ направо, моя одноколка — налѣво, обратно въ Ташкентъ и мы долго махали платками, пока даль не скрыла насъ другъ отъ друга.

— Прощай Абдуррахманъ-ханъ, желаю тебѣ всякаго благополучія, ты человѣкъ достойный, пожалуй, отцовскаго трона, думалось мнѣ, и сердце тоскливо сжималось; я полагалъ, что это послѣднее наше свиданіе.

И мнѣ показалось страннымъ, какъ я могъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ привязаться до такой степени къ этому доброму, прямому и честному человѣку.

По отъѣздѣ сына бухарскаго эмира въ Петербургъ, я, выбравъ удобную минуту, получилъ разрѣшеніе съѣздить въ Самаркандъ и тамъ, первымъ дѣломъ, повидался съ Абдуррахманъ-ханомъ.

Онъ жилъ въ саду, принадлежавшемъ до взятія Самарканда эмиру; велъ жизнь добровольнаго отшельника, по временамъ только выѣзжалъ на охоту, ни разу не манкировалъ визитами къ генералу Абрамову въ праздничные дни, всегда присутствовалъ на маневрахъ, иногда по приглашенію, а большей частью какъ любитель такихъ зрѣлищъ.

Какъ-то разъ происходила казнь одного таджика **) за то, что онъ ударилъ хлыстомъ переводчика, киргизскаго офицера, вырвавши этотъ хлыстъ у него изъ рукъ, раздраженный тѣмъ, что офицеръ этотъ нанесъ ему ударъ по лицу, не имѣя къ тому серьезнаго повода; Кауфманъ приказалъ разстрѣлять его, въ примѣръ другимъ. Я заѣхалъ къ Абдуррахманъ-хану прямо послѣ совершенія казни, разстроенный такимъ зрѣлищемъ, на которомъ мнѣ привелось присутствовать въ первый разъ.

Ханъ собирался завтракать, сидѣлъ у *афтобе* (умывальника) и мылъ руки передъ завтракомъ по афганскому обычаю. На лицѣ его выражалась глубокая скорбь.

— Не съ печальной ли церемоніи? спросилъ ханъ, очищая мнѣ мѣсто возлѣ себя.

— Да я былъ въ первый разъ при разстрѣляніи и никогда больше не буду присутствовать при совершеніи смертной казни.

— Представь, хоть я тамъ и не былъ, но казнь эта произвела и на меня почти такое же впечатлѣніе, какъ и на тебя. Удивляюсь, съ чего это вздумалось генералу Кауфману приказать разстрѣлять этого несчастнаго; мнѣ кажется, довольно было бы дать ему нѣсколько палокъ по пятамъ и въ то же время наказать переводчика.

— Конечно, мѣра крутая, разстрѣливать

740
за подобные пустяки, но вѣдь здѣсь край на военномъ положеніи. Жаль только семью разстрѣляннаго, которая осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни, да притомъ, я слышалъ, что покойный былъ хорошій человѣкъ и вполне заслуживалъ помилованія.

— Еще бы! перебилъ меня ханъ, — я его отлично знаю: Маджанъ былъ хорошій человѣкъ. Вся мебель, которую ты видишь у меня, сдѣлана имъ. У меня еще много заказано ему работы и данъ задатокъ, который такъ за нимъ и останется. Но, что особенно меня возмущаетъ — это производство суда надъ нимъ; я даже готовъ написать генералу Кауфману, что не было переводчика персидскаго языка при судебномъ слѣдствіи.

Абдуррахманъ-ханъ показался мнѣ въ это время начинающимъ немного жирѣть и, такъ сказать, осовываться.

Свита его состояла всего изъ десяти человѣкъ, остальныхъ онъ распустилъ. Дворни было много, но она служила изъ-за харчей, безъ всякаго жалованья.

Я спрашивалъ у его свиты, хорошо ли ханъ наградилъ уволенныхъ имъ генераловъ. Они отвѣчали, что ихъ наградили очень хорошо, выдали путевыя издержки, дали каждому по три лошади, по почетному халату и по чалмѣ. Экономія хана заключалась только въ томъ, что онъ обмѣнивалъ русскіе полуимперіалы на бухарскую золотую монету — тилля, приказывая взвѣшивать ее въ своемъ присутствіи, такъ какъ въ Афганистанѣ идетъ, по большей части, бухарское золото или англійское, а русской монеты вовсе не знаютъ.

Я много интересовался узнать отъ приближенныхъ хана объ его характерѣ, но узнать ничего не могъ, такъ какъ азійцы никогда не высказываются, говоря о своемъ повелителѣ, развѣ только въ крайнихъ случаяхъ.

Теперь посмотримъ, какъ велъ себя ханъ въ то время, когда отправлялась экспедиція генерала Столѣтова къ Ширъ-Али-хану и на сколько русское правительство помогло хану, когда онъ отправился чрезъ Бадахшанъ, въ Кабуль, послѣ катастрофы съ Якубъ-ханомъ.

За всѣ свѣдѣнія, сообщенныя мною объ Абдуррахманъ-ханѣ въ этихъ фельетонахъ, и ручаюсь, такъ какъ они были плодомъ моихъ собственныхъ наблюденій, дальнѣйшія же подробности о немъ собраны мною изъ разспросныхъ свѣдѣній; впрочемъ, я пользовался источниками вполне достоверными, какъ напримѣръ, разсказами г. Д—та, офицера генеральнаго штаба служившаго при генералѣ Кауфманѣ и хорошо знавшаго Абдуррахманъ-хана. О.

Николай Григорьевичъ Столѣтовъ, прѣхавшій въ Самаркандъ, часто бывалъ у Абдуррахманъ - хана, но ни разу не заикнулся, что специальное назначеніе его состояло въ поѣздкѣ въ Кабуль. Онъ разспрашивалъ хана о пути, по которому ему приходилось проѣзжать въ Кабуль, о характерѣ Ширъ-Али-хана и окружающихъ его лицъ, словомъ, обо всемъ, что касалось Афганистана. Столѣтовъ даже хотѣлъ изучить языкъ *пушту*, на которомъ говорятъ въ Афганистанѣ, но, узнавши, что этотъ языкъ не имѣетъ алфавита и услышавши произношеніе (въ языкѣ пушту есть буква *лра*, которую онъ произносилъ какъ *ура*), онъ оставилъ это намѣреніе. Отъѣздъ Столѣтова и увѣдомленіе, полученное о немъ изъ Ширабада, привели хана въ бѣшенство. Онъ рвалъ и металъ и тщетно не зналъ, что съ собой дѣлать.

— Еслибъ я зналъ, что Столѣтовъ поѣдетъ въ Афганистанъ, то я уговорилъ бы его взять меня съ собою, съ раздраженіемъ и скорбью говорилъ ханъ своимъ окружающимъ, — я воспользовался бы его вліяніемъ, которое, конечно, онъ будетъ имѣть на Ширъ-Али, примирился бы съ дядею и въ послѣдствіи успѣлъ бы что нибудь для себя сдѣлать! Что мнѣ русскія деньги: я похожъ на корову, лежащую среди прекраснаго луга и отъ довольства не знающую, что въ двухъ шагахъ находятся еще лучшія пастбища.

Столѣтовъ, вернувшись изъ Кабула въ Самаркандъ, проѣхалъ прямо въ Ташкентъ, не повидавшись съ ханомъ. Вскорѣ пришло извѣстіе о кончинѣ Ширъ-Али-хана въ Балхѣ и о занятіи его престола старшимъ сыномъ его, Якубъ-ханомъ. Абдуррахманъ-ханъ настаивалъ на свиданіи съ генералъ-губернаторомъ, послѣдній отъ этого уклонился. Наконецъ, когда Кауфманъ былъ въ Самаркандѣ, онъ вынужденъ былъ дать аудіенцію и Абдуррахманъ-хану.

— Что же вы со мной дѣлаете: вѣдь теперь двоюродный братъ мой занялъ мое мѣсто въ Кабулѣ! Отпустите меня, у меня есть до ста тысячъ капитала, который я накопилъ отъ милостей Бѣлаго Царя, — хоть этихъ денегъ будетъ и мало, но я все-таки готовъ оставить Самаркандъ, явиться въ Афганскій Туркестанъ, гдѣ я встрѣчу большую поддержку, и могу начать борьбу съ Якубъ-ханомъ, ничѣмъ еще не заявившимъ себя и занятымъ войною съ англичанами.

— Успокойтесь, мнѣ кажется, что вамъ придется недолго ожидать, говорилъ генералъ Кауфманъ, положивши руку на плечо

хана, — терпѣніе ссть мать всякаго успѣха. Вѣдь лучше было бы, еслибъ вы начали ваше дѣло подъ нашимъ покровительствомъ, чѣмъ оставлять ваше убѣжище безъ нашего согласія, я уже предупреждалъ васъ, какія могутъ быть слѣдствія вашей неудачи.

— Да я отовсюду получаю теперь много писемъ и въ каждомъ изъ нихъ заключается приглашеніе явиться въ Афганистанъ и выражается полное неудовольствіе на то, что я сплужу здѣсь въ бездѣйствіи.

— Жалѣю, что вы получаете подобныя письма, но, во всякомъ случаѣ, прошу васъ положиться на мое слово и оставаться спокойнымъ въ ожиданіи, когда я васъ самъ призову, если настанетъ время. Ужь, повѣрьте мнѣ, что я васъ не обманываю, заключилъ свою рѣчь генералъ Кауфманъ.

Однако, переписка Абдуррахманъ-хана пропала свое дѣйствіе на Кабуль: преданный намъ, не менѣе своего отца, Якубъ-ханъ заключилъ съ англичанами договоръ въ Гандамакѣ, на основаніи котораго въ г. Кабуль осталось нѣсколько англичанъ и во главѣ ихъ Льюисъ Каваньяри. Послѣ катастрофы, жертвою которой былъ несчастный Каваньяри, по слухамъ незаконнорожденный сынъ Наполеона Третьяго, Якубъ-ханъ, вслѣдствіе народнаго волненія въ пользу его меньшого брата Эюбъ-хана, бѣжалъ къ англичанамъ и, какъ кажется, навсегда остался въ Индіи. Эюбъ же разбилъ англійскую армію подъ Кандагаромъ, а потомъ, вслѣдствіе неудачной стычки съ войсками генерала Робертса, скрылся въ Гератъ и оттуда долженъ былъ спасаться и нашелъ себѣ убѣжище въ Персіи, при дворѣ шаха.

Когда происходили переговоры въ Гандамакѣ англичанъ съ Якубъ-ханомъ, въ то же время генералъ Кауфманъ готовилъ Абдуррахманъ-хана къ движенію въ Афганистанъ, но только не черезъ афганскій Туркестанъ, а чрезъ Бадахшанъ. Къ счастію Абдуррахманъ-хана, въ это время, губернаторомъ тамъ былъ афганецъ Миръ-Габа-ханъ, который находился въ перепискѣ съ Абдуррахманъ-ханомъ и обѣщалъ ему отпереть ворота и передать весь гарнизонъ. Мы снабдили Абдуррахманъ-хана десяти тысячами полунимперіаловъ, обмѣняли ему на золото, по помпальной цѣнѣ сто тысячъ рублей, скопленныхъ имъ во время самаркандскаго сидѣнья, подарили нѣсколько бердапокъ, дали нѣсколько бухарскихъ или кокапскихъ орудій, приведя ихъ въ порядокъ, и отрядили къ нему сотню джигитовъ изъ кара-киргизовъ (дикомышныхъ), паселяющихся южные склоны горъ, находящихся за Ферганою. По слу-

хамъ, у генералъ-адъютанта Кауфмана не оказалось въ наличности ста тысячъ золотомъ и недостающее количество выдано хану серебряными рублями.

Въ знакъ признательности эмиръ далъ клятву быть всегда другомъ Россіи, насколько это не будетъ противорѣчить его собственнымъ интересамъ и пользѣ Афганистана.

Остальное о движеніи Абдуррахманъ-хана до Кабула и его воцареніи извѣстно изъ англійскихъ газетъ.

Въ заключеніе я изложу здѣсь свое скромное мнѣніе о недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ настоящее время между Россією и Англією. Теперь поставленъ на карту вопросъ, кому будетъ принадлежать вліяніе въ Азіи—Россіи или Англіи, вопросъ чрезвычайно важный и неудобосогласимый для обѣихъ сторонъ. Единственный удачный исходъ, который я могу предвидѣть въ этомъ дѣлѣ, будетъ заключаться въ томъ, что если Англія не желаетъ войны и съ честію хочетъ отретироваться, ей слѣдовало бы возложить рѣшеніе задачи на голову Абдуррахманъ-хана. Это тѣмъ болѣе удобно, въ настоящее время, для англичанъ, что мы занимаемъ мѣстности, лежащія на границахъ Афганистана, законнымъ повѣлителемъ котораго мы признаемъ Абдуррахманъ-хана, а не Англію, которой собственно не зачѣмъ и вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ до Индіи еще около тысячи верстъ и о ней мы и не думаемъ. Съ запомъ до сихъ поръ отношенія наши были очень хороши и нарушить ихъ поѣздка хана въ Рагуль-Пиндъ для переговоровъ съ вице-королемъ никакъ не могла. Это въ особенности важно для англичанъ, такъ какъ мы въ открытую игру не играемъ и секретныхъ договоровъ съ эмиромъ заключать не намѣрены, а все, чтъ сдѣлаемъ, будетъ гласно и честно.